

АРТЕМИС ФАУЛТ

КОД ВЕЧНОСТИ

ЙОН КОЛФЕР

Артемис Фаул

Йон Колфер

Артемис Фаул. Код Вечности

«Азбука-Аттикус»

2003

УДК 087.5
ББК 84(4Вел)-445

Колфер Й.

Артемис Фаул. Код Вечности / Й. Колфер — «Азбука-Аттикус», 2003 — (Артемис Фаул)

ISBN 978-5-699-21528-7

Артемис Фаул готовится осуществить свой последний замысел. Его отец выздоравливает после двухлетнего плена и вот-вот возьмет на себя функции главы семейства. А мать полна решимости наставить мужа и сына на путь истинный. Так что, похоже, блистательным авантюрам Артемиса пришел конец. Осталось провернуть всего одну – вытрясти тонну золота из американского миллиардера. За что? Да за то, что Артемис не выпустит на рынок одну вещь, которая вмиг разорит его компьютерное производство. Дело, казалось бы, плевое, но с самого начала все пошло не по плану. Бедняга Дворецки... Теперь помочь ему сможет только волшебный народец. К тому же из-за неудавшейся авантюры Артемиса Нижним Уровням грозят новые напасти. Юному Фаулу и капитану Элфи Малой вновь предстоит действовать бок о бок – ну что ж, им не привыкать!

УДК 087.5
ББК 84(4Вел)-445

ISBN 978-5-699-21528-7

© Колфер Й., 2003
© Азбука-Аттикус, 2003

Содержание

Пролог	6
Часть 1	7
Глава 1	7
Глава 2	17
Глава 3	24
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Йон Колфер

Артеми́с Фаул. Код Вечности

Eoin Colfer
ARTEMIS FOWL & THE ETERNITY CODE
Copyright © 2003 by Eoin Colfer
All rights reserved

© Н. Берденников, А. Жикаренцев, перевод, 2017
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017
Издательство АЗБУКА®

* * *

*Тем, кто ищет и обрел Силу,
Тем, кто близок по крови и по духу,
Авантюристам и искателям приключений.*

Пролог

Выдержки из дневника

Артемииса Фаула

Диск № 2. Данные зашифрованы

«...На протяжении последних двух лет родители не вмешивались в мой бизнес, и поэтому дела мои продвигались очень даже успешно. За это время я успел продать одному западному бизнесмену знаменитые египетские пирамиды, подделать и выставить на аукцион якобы утерянные дневники Леонардо да Винчи, а также лишить волшебный народец значительной части их драгоценного золотого запаса. Но, увы, очень скоро моей творческой свободе придет конец. Сейчас, когда я пишу эти строки, отец мой лежит в одной из больниц Финляндии. Два долгих года он провел в плену у русской мафии, претерпел ужасные мучения, однако спустя пару месяцев он оправится и снова возьмет в свои руки контроль над финансами Фаулов.

В общем, мне приходится потихоньку сворачивать свои, честно говоря, не совсем законные авантюры. Все изменилось. Мой отец был куда более ловким и великим обманщиком, чем я, но теперь мать полна решимости наставить семью Фаул на праведный путь.

И тем не менее у меня еще остается время, чтобы осуществить свой последний замысел. Вряд ли его одобрила бы моя мама. Да и волшебный народец едва ли воспримет его с радостью. Поэтому я решил никому не говорить о том, что задумал...»

Часть 1 Атака

Глава 1 Всевидающее око

Ресторан «Ле Плавник», Найтсбридж, Лондон

Артемис Фаул был почти доволен. Все шло хорошо: отца со дня на день выписывали из финской больницы, а сейчас ему, Артемису-младшему, предстояло насладиться изысканными блюдами, которыми славился лондонский ресторан «Ле Плавник», специализирующийся на морских деликатесах. И с минуты на минуту должен был подойти деловой партнер. В общем, все по плану.

Однако Дворецки, его телохранитель, почему-то беспокоился. Впрочем, такое состояние было для него привычным – вряд ли беспечность принесла бы Дворецки славу самого опасного, смертоносного человека в мире. Огромный телохранитель лавировал между столыками, устанавливая обычные устройства обеспечения безопасности и в очередной раз проверяя пути отхода.

– Вы не забыли вставить ушные тампоны, Артемис, сэр? – вдруг спросил он у своего хозяина.

Артемис устало вздохнул.

– Конечно, не забыл, Дворецки, – сказал он. – Но, по-моему, ты все несколько переусложняешь. Опасности никакой нет. В конце концов, это самая обычная, законная сделка. Мы ведь ни от кого не прячемся.

На самом деле упомянутые телохранителем «ушные тампоны» являлись звуковыми фильтрами, снятыми со шлемов Подземной полиции волшебного народца. В прошлом году Дворецки заполучил эти шлемы как трофеи (вместе с некоторыми другими не менее драгоценными достижениями волшебной техники), когда в процессе осуществления одного из самых дерзких замыслов Артемиса ему пришлось противостоять ударным силам спецназа Нижних Уровней. Губки-фильтры выращивались в лабораториях Легиона подземной полиции и представляли собой мембраны, поры которых автоматически закрывались, когда уровень шума становился опасным для слуха.

– Может быть, вы и правы, сэр, однако наемные убийцы имеют дурную привычку заставлять свою жертву врасплох. Именно этим они и славятся.

– Согласен, – кивнул Артемис, внимательно изучая меню основных блюд. – Но кто может желать нам смерти?

Дворецки окинул подозрительным взглядом одну из посетительниц ресторана – не замышляет ли та чего? Женщине было не меньше восьмидесяти.

– Следует учитывать все факторы, сэр. К примеру, мы можем оказаться в центре чужих разборок. Не забывайте, Йон Спиро обладает большой властью. Он разорил множество компаний самыми разными способами, и наверняка у многих на него зуб...

Артемис кивнул. Дворецки, как всегда, был прав, и это являлось одной из причин, по которой они оба до сих пор жили и здравствовали. Американец Йон Спиро, с которым им предстояло встретиться, был завидной мишенью для наемных убийц: миллиардер, сумевший заработать деньги на информационных технологиях, с туманным прошлым и, как поговаривали, связанный с мафией. Также ходили слухи, что его компания «Майкрочипс» поднялась на самый верх благодаря разработкам, украденным у других ученых. Разумеется,

доказать ничего не удалось, несмотря на все старания окружного прокурора Чикаго. А прокурор очень старался.

Подошедшая официантка наградила Артемиса и Дворецки ослепительной улыбкой:

– Добрый день, молодой человек. Желаете детское меню?

На виске Артемиса Фаула запульсировала жилка.

– Большое спасибо, мадемуазель, но детское меню меня абсолютно не интересует. Я пришел в ваш ресторан вовсе не для того, чтобы попробовать вашу фирменную манную кашу, и хотел бы заказать что-нибудь из ваших специальных блюд. Или рыбу несовершеннолетним у вас не подают?

Улыбка официантки мигом сузилась на пару коренных зубов. Артемис умел подбирать слова, производящие на людей неизгладимое впечатление.

Дворецки устало закатил глаза. Буквально минуту назад Артемис интересовался, кто мог желать ему смерти. Ну, во-первых, добрая половина официантов и портных, работающих по всей Европе...

– Конечно, сэр, – заикаясь, пробормотала официантка. – Как пожелаете.

– Для начала я пожелаю суп из акульих плавников и жареную меч-рыбу с овощами и молодым картофелем.

– А что вы будете пить?

– Ключевую воду. Ирландскую, если она у вас есть. Безо льда, потому что воду для него вы наверняка берете из водопровода, а это делает бессмысленным мой предыдущий заказ.

Все записав, официантка поспешно сбежала на кухню. Этот юноша за шестым столиком наводил на нее страх. Давным-давно она смотрела кино про вампиров. У кровососущей твари был примерно такой же тяжелый, пронзительный взгляд. Может, и этот паренек только прикидывается мальчишкой, а на самом деле ему лет пятьсот?

Артемис слегка улыбнулся, предвкушая замечательный обед. Испуганных взглядов официантки он даже не заметил.

– По-моему, сэр, на школьных балах вы будете иметь оглушительный успех, – промолвил Дворецки.

– Что-что, прости?

– Бедная девушка едва не разрыдалась. К людям стоит относиться добрее. Хотя бы иногда.

Артемис был немало удивлен этой репликой: Дворецки редко высказывал свое мнение по личным вопросам.

– Честно говоря, я еще ни разу не посетил ни одного школьного бала, – пожал он плечами. – Танцы меня не привлекают.

– Дело не в танцах, а в общении.

– В общении? – удивился Артемис-младший. – Вроде бы проблем с общением у меня пока что не возникало. Своим словарным запасом я могу потягаться с любым взрослым, не говоря уже о сверстниках...

Дворецки собрался было объяснить хозяину разницу между умением складно излагать свои мысли и умением общаться с людьми, как дверь ресторана распахнулась. В зал вошел загорелый невысокий мужчина, по пятам за которым следовал настоящий великан. Йон Спиро и его телохранитель.

– Будьте осторожнее, сэр, я немало слышал об этом верзиле, – наклонившись, шепнул Дворецки на ухо Артемису.

Спиро, слегка согнув руки, направлялся к ним между столиками. Это был американец средних лет, худой как палка, ростом едва ли выше Артемиса. В восьмидесятые он увлекся морскими перевозками, а в девяностые сделал на торговле акциями целое состояние. В настоящее время Спиро занимался системами связи.

Одет он был в обычный льняной костюм, зато ювелирных украшений на его запястьях и пальцах хватило бы, чтобы покрыть золотом весь Тадж-Махал.

Артеми́с встал, здороваясь со своим деловым партнером:

– Добро пожаловать, мистер Спиро.

– И тебе здравствуй, Артеми́с Фаул-младший. Как твои дела?

Артеми́с ответил на рукопожатие. Цепи, браслеты и кольца забренчали, как трещотки на хвосте гремучей змеи.

– Не жалуюсь. Рад, что вы смогли приехать.

Спиро расположился за столиком:

– Если с деловым предложением обращается сам Артеми́с Фаул, ради встречи с ним я готов пройти по раскаленным углям и битому стеклу.

Телохранители откровенно, не таясь, разглядывали друг друга. За исключением одинакового телосложения, они являлись полными противоположностями. Дворецки воплощал собой скрытую угрозу: черный костюм, бритый череп, ничем не выделяющаяся внешность – не считая роста почти в семь футов. Тогда как вновь прибывший был крашеным блондином в футболке с отрезанными рукавами, а в ушах его болтались громадные серебряные серьги-кольца. Всем своим видом он как бы говорил: «Не заметить меня вы не сможете. И забыть тоже».

– Арно Олван, – сказал Дворецки. – Я слышал о тебе.

Олван занял позицию за плечом Спиро.

– Дворецки. Один из тех самых знаменитых Дворецки, – откликнулся он с новозеландским акцентом. – Говорят, вы лучшие. Но вообще народ много чего болтает, правда? Очень не хотелось бы разочароваться.

Спиро рассмеялся. Звук этот напоминал стрекотание посаженных в коробок сверчков.

– Арно, перестань. Мы сейчас в кругу друзей. Такой хороший, мирный денек...

Однако Дворецки не разделял уверенности Спиро. Его интуиция солдата вопила во все горло, била во все колокола. Он нутром чувствовал опасность.

– Итак, мой друг, – произнес Спиро, его близко посаженные темные глазки ощупывали лицо Артеми́са. – Я, пока летел через Атлантику, чуть не захлебнулся слюнями. Что же ты мне приготовил?

Артеми́с нахмурился. Он полагал, что сначала они пообедают, а уж потом приступят к переговорам.

– Вы даже в меню не заглянете?

– Увы, мой друг, последнее время я ем очень мало. В основном глотаю всякие пилюли. Проблемы с желудком.

– Что ж, хорошо, – кивнул Артеми́с, выкладывая на стол алюминиевый чемоданчик. – Тогда перейдем прямо к делу.

Он открыл крышку. В чемоданчике, в синей пене, лежал кубик размером с плеер для мини-дисков.

Спиро протер очки кончиком галстука:

– И что я здесь вижу?

Артеми́с достал блестящий кубик и положил его на стол.

– Будущее, мистер Спиро. Прибывшее раньше графика.

Йон Спиро наклонился над столом:

– А по мне, так больше смахивает на какое-нибудь модное пресс-папье.

Арно Олван, не сводящий глаз с Дворецки, услужливо подхихикнул.

– Что ж, наверное, мне стоит продемонстрировать, как все работает, – усмехнулся Артеми́с.

Он взял металлическую коробочку в руку и нажал на кнопку. Устройство зажужжало, части его разошлись в стороны, явив динамики и экран.

– Миленько, – процедил Спиро. – То есть я пролетел три тысячи миль, чтобы полюбоваться на очередной микротелевизор?

Артеми́с кивнул:

– Микротелевизор. А также компьютер с голосовым управлением, мобильный телефон и средство диагностики. Все в одном. Эта коробочка способна считывать информацию буквально с любой платформы, как электрической, так и органической. Она может воспроизводить видеозаписи, лазерные диски и DVD; захотите – она войдет в сеть, скачает вам электронную почту, а также взломает любой компьютер, какой только пожелаете. Вместе с тем за доли секунды она просканирует вашу грудную клетку и замерит ваш пульс. Аккумулятора хватает на два года работы, и устройство является беспроводным.

Тут Артеми́с сделал паузу, чтобы позволить информации впитаться.

Глаза Спиро казались огромными за стеклами очков.

– Ты имеешь в виду, что эта штукавина...

– По сравнению с ней все остальные современные технологии – безнадежно устаревший, никому не нужный хлам. Ваши компьютерные заводы разорятся в один день.

Американец сделал несколько глубоких вдохов:

– Но как... как?

Артеми́с перевернул кубик. На нижней поверхности мягко пульсировал инфракрасный датчик.

– Весь секрет вот в этой штучке. Мой датчик способен снимать информацию со всех и вся. Даже со спутника – вводим данные орбиты, и спутник в вашем полном распоряжении.

Хитро улыбнувшись, Спиро погрозил Артеми́су пальцем:

– Но такая технология наверняка незаконна?

– Не совсем так, – улыбнувшись в ответ, покачал головой Артеми́с. – Пока что законов, запрещающих подобные приборы, не существует. И появятся эти законы, если вообще появятся, только года через два, не раньше. Вспомните, сколько времени ушло на то, чтобы закрыть «Напстер», ну, тот сайт, через который шел нелегальный обмен музыкальными файлами.

Американец потер лоб. Информации было слишком много.

– Никак не могу понять... – задумчиво проговорил он. – Эта технология опережает последние достижения на годы, нет, на десятилетия. Ты – тринадцатилетний пацан. Как тебе это удалось?

Артеми́с задумался. Что он тут мог сказать? Что шестнадцать месяцев назад ему и Дворецки удалось захватить врасплох спецотряд Легиона подземной полиции? Именно из деталей их технического снаряжения он, Артеми́с, и собрал эту чудо-коробочку... Но вряд ли об этом стоит распространяться.

– Давайте сойдемся на том, что я просто очень смысленный юноша.

Спиро подозрительно прищурился:

– Возможно, менее смысленный, чем тебе кажется. Я требую демонстрации.

– Справедливое требование, – кивнул Артеми́с. – У вас есть мобильный телефон?

– Естественно.

Спиро положил свой мобильник на стол. Это была последняя модель компании «Майкрософт».

– Я полагаю, он защищен?

Спиро высокомерно кивнул:

– Пятисотбитовое кодирование. Лучший в своем классе. Без кода доступ к «Майкро-400» невозможен.

– А это мы сейчас проверим.

Артеми́с навел датчик на телефонную трубку. На экране мгновенно возникло изображение внутренностей аппарата.

– Загрузить? – раздался металлический голос из динамиков.

– Подтверждаю.

Операция заняла не более секунды.

– Загрузка завершена, – с легким оттенком гордости возвестила коробочка.

Спиро был ошеломлен.

– Не могу поверить. Эта система обошлась мне в двадцать миллионов долларов.

– А теперь она не стоит ничего, – сказал Артеми́с, показывая на экран. – Хотите позвонить домой? Перевести деньги? Кстати, не стоит хранить данные о своих банковских счетах на сим-карте.

Американец задумался.

– Это ловкий фокус, – произнес он наконец. – Ты знал о моем телефоне. И каким-то образом, уж не знаю каким, получил к нему доступ.

– Логичное предположение, – согласился Артеми́с. – Я пришел бы к такому же выводу. Тогда предлагайте. Как вы хотите проверить устройство?

Спиро забарабанил пальцами по столу и окинул взглядом ресторан.

– Вон там. – Он указал на полку с видеокассетами, расположенную над стойкой бара. – Пройграй мне одну из тех пленок.

– И всё?

– Для начала – да.

Арно Олван нарочито долго перебирал кассеты. Наконец он выбрал ту, на которой не было никаких ярлычков, и швырнул ее на стол с такой силой, что серебряные столовые приборы аж подпрыгнули.

Артеми́с с трудом удержался от того, чтобы не закатить глаза. Приподнявшись, он спокойно опустил красный кубик на кассету.

На крошечном плазменном экране появилась видеопленка.

– Загрузить? – спросила коробка.

Артеми́с кивнул:

– Загрузить, почистить и воспроизвести.

Данная операция также заняла не более секунды. На экранчике возникла сцена из старой английской «мыльной оперы».

– Цифровое качество, – пояснил Артеми́с. – Независимо от входного сигнала Всеви́дящее Око корректирует качество.

– Что?

– Всеви́дящее Око, – повторил Артеми́с. – Так я назвал этот кубик. Согласен, название достаточно банальное, но весьма уместное. Ведь этот прибор видит все.

Спиро схватил видеокассету и бросил ее Арно Олвану.

– Проверь!

Светловолосый телохранитель включил видеомэгнитофон и вставил в него кассету. На экране телевизора появилась та же самая сцена из «Корнейшн-стрит», правда, данное изображение было крайне низкого качества.

– Ну, я вас убедил? – спросил Артеми́с.

Американец задумчиво поиграл одним из своих многочисленных браслетов.

– Почти. Последняя проверка. Я подозреваю, что правительство следит за мной. Можешь проверить это?

Артеми́с на пару секунд задумался, а потом поднес кубик к губам:

– Око, ты можешь определить, направлены ли на это здание какие-либо следящие приборы?

Устройство зажуужало.

– Ближайший луч слежения засечен в восьмидесяти километрах к западу. Источник – американский спутник под кодовым номером ST1132P, зарегистрированный на Центральное разведывательное управление. Над нами луч пройдет приблизительно через восемь минут. Обнаружены также несколько лучей, источниками которых являются приборы Легиона под зем...

Артеми́с едва успел отключить звук. Око действительно было всевидящим – оно даже реагировало на приборы волшебного народца. Надо бы не забыть заблокировать эту функцию. Такая информация, попади она в грязные руки, могла оказаться губительной для волшебного народца.

– В чем дело, юноша? Эта твоя коробочка продолжала говорить. Что это еще за Легион?

Артеми́с пожал плечами:

– Нет денег – нет игры, как любите выражаться вы, американцы. Достаточно одного примера, тем более речь шла о ЦРУ.

– ЦРУ... – едва слышно повторил Спиро. – Эти шпионы подозревают меня в продаже военных секретов. Держу пари, они специально изменили орбиту одного из своих спутников, чтобы проследить за мной!

– Или за мной, – заметил Артеми́с.

– Возможно, – согласился Спиро. – С каждой секундой ты выглядишь все более опасным.

Арно Олван иронически хмыкнул.

Дворецки проигнорировал эту его реакцию. В конце концов, кто-то из них двоих должен вести себя профессионально.

Спиро вытянул руки и хрустнул суставами пальцев. Артеми́с невольно поморщился. Он терпеть не мог показухи.

– Итак, у нас восемь минут, так что пора приступать к делу, юноша. Сколько ты хочешь за свою коробочку? – спросил американец.

Но Артеми́с не слышал его слов. Он еще раз вспомнил о том, как Око чуть не выдало тайну существования волшебного народца. Из-за простой беспечности он едва не предоставил информацию о своих подземных друзьях человеку, который не замедлил бы воспользоваться ею в корыстных целях.

– Прошу прощения, что вы сказали? – наконец опомнился он.

– Я спросил, сколько ты хочешь за коробочку.

– Во-первых, это не коробочка, а Око, – поправил его Артеми́с. – А во-вторых, оно не продается.

Йон Спиро хрипло вздохнул:

– Не продается? Ты заставил меня пересечь Атлантику, чтобы продемонстрировать какой-то кубик, который не продается? Да что, черт возьми, здесь происходит?

Дворецки сжал пальцы на рукоятке пистолета. Рука Арно Олвана метнулась за спину. Воздух разве что не искрился от напряжения.

Артеми́с сплел пальцы:

– Мистер Спиро. Йон. Я – не полный идиот и понимаю ценность Ока. Во всем мире не хватит денег, чтобы купить его. Сколько бы вы мне ни предложили, через неделю Око принесет в тысячу раз больше.

– Тогда чего же ты хочешь? – скрипнув зубами, спросил Спиро. – Назови свое предложение, Фаул.

– Мое предложение – двенадцать месяцев. За весьма разумную цену я дам вам отсрочку в год. И пообещаю, что за это время Око не появится на рынке.

Йон Спиро задумчиво покрутил пальцами именной браслет, который сам себе подарил на день рождения.

– То есть ты обещаешь, что в течение года будешь держать свое изобретение в тайне?

– Именно. Вам как раз хватит времени, чтобы скинуть свои акции и купить на эту сумму долю в «Предприятиях Фаула».

– Такой компании не существует!

Артемис ухмыльнулся:

– Но скоро она появится.

Дворецки сжал плечо хозяина: не стоило дразнить такого опасного человека, как Йон Спиро.

Однако Спиро не заметил насмешки. Его ум был занят подсчетами, а пальцы перебирали, как четки, звенья браслета.

– Твоя цена? – наконец спросил он.

– Золото. Одна тонна, – ответил наследник семьи Фаул.

– Немало. А почему не деньги?

– Мне нравится золото, – пожал плечами Артемис. – Оно не обесценивается. Кроме того, названная сумма – жалкие гроши по сравнению с тем, что вам удастся сберечь.

Спиро задумался. Арно Олван не мигая смотрел на Дворецки. Телохранитель Фаула, напротив, вел себя как обычно. Если долго не мигать, глаза начинают слезиться, а в заварушке это очень мешает. Только любители играют в гляделки.

– Меня не устраивают эти условия, – в конце концов промолвил Йон Спиро. – Но твоя игрушка пришлась мне по душе. Пожалуй, я заберу ее с собой.

Грудь Арно Олвана раздулась еще на пару сантиметров.

– Даже если вы заберете Око, – с улыбкой произнес Артемис, – использовать его вы все равно не сможете. Ваши инженеры обломают об него все зубы.

Спиро ответил ему едва заметной презрительной улыбкой.

– Ничего, вставим новые. Они будут возиться над твоей диковинкой дни и ночи, пока не вскрыют ее. Возможно, на это уйдет год, два, а может, и больше. Но тебе будет все равно. Там, где ты окажешься.

– Где бы я ни оказался, тайна Ока уйдет со мной. Оно закодировано на мой голос, и код этот – не из легких.

Дворецки слегка согнул колени, готовясь к прыжку.

– Но мы его сломаем. В компании «Майкрочипс» у меня подобрана отличная команда.

– Я очень рад за вас. И все-таки ваша «отличная команда» оставляет желать лучшего. До специалистов «Телефоникса» ей еще расти и расти.

В ярости Спиро вскочил на ноги. Он терпеть не мог этого слова на букву «т». Компания «Телефоникс» была единственной в коммуникационном бизнесе, акции которой ценились выше акций «Майкрочипс».

– О'кей, мой мальчик, ты достаточно повеселился. Настала моя очередь. Мне пора уходить, пока сюда не добрался этот чертов спутник, но я оставляю вместо себя мистера Олвана. – Он похлопал телохранителя по плечу. – Ты знаешь, что нужно делать.

Олван кивнул. Он знал, что нужно делать. И с нетерпением ждал момента, когда ему можно будет «вступить в переговоры».

События начинали выходить из-под контроля, поэтому Артемис впервые с начала встречи совершенно забыл о будущем обеде и постарался полностью сосредоточиться на происходящем.

– Мистер Спиро, – миролюбиво произнес он. – Неужели вы настроены так серьезно? Мы же находимся в общественном месте в окружении обычных граждан. Кроме того, ваш человек не может состязаться с Дворецки. Если вы не оставите своих абсурдных угроз, я буду вынужден взять назад свое предложение и выбросить Око на рынок незамедлительно.

Спиро оперся руками о стол и слегка наклонился вперед.

– Послушай, мой малыш, – прошептал он. – Ты мне нравишься. Правда-правда. Через пару лет ты мог бы стать похожим на меня. Но приходилось ли тебе когда-нибудь приставлять пистолет к голове другого человека и нажимать на курок?

Артемис не ответил.

– Что, кишка тонка? – хмыкнул Спиро. – Я так и думал. А иногда это все, что требуется. Мужество. Именно его тебе и не хватает.

Артемис даже не знал, что сказать, и случалось такое всего лишь во второй раз с тех пор, как ему исполнилось пять лет. Но воцарившуюся тишину нарушил Дворецки. Кто-кто, а он привык иметь дело с угрозами.

– Мистер Спиро, не пытайтесь блефовать, – сказал он. – Я сломаю вашего Олвана, как сухую ветку. И мы с вами останемся один на один. Можете мне поверить: вам этого совсем не хочется.

Спиро обнажил в слащавой улыбке желтые от никотина зубы.

– Один на один? О, как бы не так...

И тут Дворецки почувствовал, что сама земля уходит из-под его ног. Примерно так же чувствует себя человек, который вдруг обнаружил, что на его груди танцует добрая дюжина красных точек от лазерных прицелов. Они попали в ловушку. Каким-то образом Спиро удалось перехитрить Артемиса.

– Эй, Фаул! – насмешливо окликнул американец. – Что-то тебе твой обед никак не принесут.

Именно в этот момент Артемис до конца осознал серьезность ситуации.

Все произошло в мгновение ока. Спиро щелкнул пальцами, и все клиенты «Ле Плавника» разом вытащили оружие. Теперь восьмидесятилетняя старушка, которую некоторое время назад рассматривал Дворецки, выглядела куда страшнее – в ее крошечном кулачке был зажат громадный револьвер. Из кухни вынырнули двое официантов с автоматами наперевес. Дворецки даже не успел выдохнуть.

Спиро опрокинул солонку:

– Шах и мат, мой мальчик. Игра закончена.

Артемис попытался собраться. Он должен был найти выход. Выход всегда есть. Всегда, но не сейчас. Он совершил ошибку. Возможно, смертельную. Никому еще не удавалось перехитрить Артемиса Фаула. Но иногда первый проигрыш становится последним.

– Что ж, – продолжил Спиро, убирая Око в карман, – а теперь мне и в самом деле пора, пока не объявился тот спутник, о котором ты меня предупреждал. И этот твой Легион... Кстати, никогда не слышал о таком подразделении. Но ничего, когда я заставлю эту штуковину работать, оно очень пожалеет, что вошло в мои дела. Как всегда, с тобой было приятно иметь дело.

Приблизившись к двери, Спиро обернулся и подмигнул телохранителю:

– У тебя есть три минуты, Арно. Мечты сбываются, да? Ты будешь человеком, убравшим великого Дворецки. – Он не удержался и еще раз взглянул на Артемиса. – Кстати, Артемис – это ведь по-гречески Артемида, если не ошибаюсь? Подумать только, назвать парня девчоночьим именем...

С этими словами он вышел из ресторана и смешался с разношерстной толпой туристов на улице.

Старушка услужливо прикрыла за ним дверь. Щелчок закрывающегося замка громким эхом разнесся по ресторану.

Воспользовавшись моментом, Артемис решил перехватить инициативу.

– Итак, дамы и господа, – сказал он, стараясь не смотреть в черные отверстия окружающих его стволов, – думаю, мы сможем договориться...

– Нет, Артемис! Молчи!

Прошло целых несколько секунд, прежде чем мозг Артемиса осознал тот факт, что Дворецки посмел перебить его, своего хозяина. Причем в достаточно грубой форме.

– Что-что?..

Дворецки закрыл рот хозяина ладонью.

– Замолчите, Артемис, сэр, – повторил он. – Эти люди – профессионалы, и торговаться с ними бессмысленно.

Олван покрутил головой, разминая шейные мускулы.

– Вот тут ты прав, Дворецки. Мы здесь для того, чтобы убить вас. Как только Артемис позвонил мистеру Спиро, мы начали внедрять в ресторан своих людей. Не могу поверить, что ты попался на такой простой фокус. Видимо, стареешь, а?

Дворецки тоже не мог в это поверить. Обычно он несколько недель проверял место встречи, прежде чем дать добро. Возможно, он действительно постарел, но похоже, больше постареть ему не придется...

– Ладно, Олван, – сказал он, вытягивая перед собой руки и показывая, что его ладони пусты. – Ты и я. Один на один.

– Как благородно. Это что, так заведено у вас в Азии? Или откуда ты там? А вот у нас заведено по-другому. Ты, наверное, совсем свихнулся, если решил, что я дам тебе хоть один шанс выбраться отсюда. Я стреляю. Ты умираешь. Никаких дуэлей.

Олван лениво опустил руку к поясу. А куда спешить? Одно неосторожное движение Дворецки – и дюжина пуль поразит цель.

Мозг Артемиса словно бы отключился. Раньше Фаул-младший никогда не испытывал недостатка в идеях. Но это было раньше. «Сейчас я умру, – подумал он. – Нет, я не верю в это...»

Однако Дворецки продолжал что-то говорить, и Артемис на всякий случай решил послушать.

– Каждый охотник желает знать, где сидит фазан, – отчетливо произнес телохранитель.

Олван навинчивал глушитель на ствол керамического пистолета.

– Что ты там мелешь? Какой еще фазан? Неужели великий Дворецки спятил? Ха, вот я своим парням расскажу!

– Фазан? – задумчиво произнесла старушка. – Где-то я слышала об охотнике и фазане...

Артемис тоже слышал о них. Эта фраза была кодом, который приводил в действие звуковую гранату, прикрепленную на магните к нижней поверхности стола. Одна из мер безопасности, разработанных Дворецки. Не хватало только одного слова, чтобы код сработал, граната взорвалась и мощная звуковая волна пронеслась по ресторану, выбивая окна и разрывая барабанные перепонки. Не будет ни огня, ни дыма, но любой человек в радиусе десяти метров, не успевший заткнуть уши, будет выведен из строя через доли секунды. Еще одно слово, и...

Старушка почесала затылок стволом револьвера:

– Каждый охотник желает знать, где сидит фазан... А, вспомнила! Это мне еще в монастыре рассказывали, когда я туда в школу ходила. Так легче запомнить цвета. Каждый – это красный. Охотник – это оранжевый, и так далее, по цветам. Это же радуга!

«Радуга». Последнее кодовое слово. Артемис очень вовремя вспомнил, что нужно приоткрыть рот. Звуковая волна раздробила бы сжатые зубы, как стекло.

Граната взорвалась, расшвыряв людей по залу, словно каких-нибудь кукол. Некоторым повезло больше, и они врезались в тонкие перегородки, пробив их насквозь и тем самым смягчив свое падение. Другим повезло меньше, потому что на их пути стояли сложенные из полых каменных блоков стены. Что-то сломалось. Явно не блоки.

Артеми́с не пострадал, потому что приземлился прямо в медвежьё объятия Дворецки, – прижавшись спиной к прочной дверной коробке, телохранитель ловко поймал летевшего на него мальчика. В отличие от наемных убийц Артеми́с и его слуга ничего себе не сломали. Кроме того, их зубы остались целыми, а защитные губки-фильтры вовремя среагировали, защитив барабанные перепонки.

Выждав, пока все стихнет, Дворецки поднял голову и осмотрел зал. Все убийцы валялись на полу, прижимая ладони к ушам. По меньшей мере еще несколько дней в глазах у них будет все двоиться... Верный слуга достал из наплечной кобуры свой любимый «зиг-зауэр».

– Оставайтесь здесь, сэр, – приказал он. – А я пока проверю кухню.

Артеми́с сел на стул и несколько раз глубоко вдохнул, пытаясь прийти в себя. В воздухе висела пыль, отовсюду доносились стоны, но Дворецки снова спас его, Артеми́са, жизнь – уже в который раз. Кроме того, еще не все потеряно. Возможно, им удастся перехватить Спиро, прежде чем тот покинет страну. У Дворецки был знакомый в аэропорту Хитроу – бывший «зеленый берет» Сид Коммонс. Некогда они с Дворецки работали телохранителями в Монте-Карло...

Чья-то огромная фигура закрыла солнце. Это был вернувшийся с осмотра местности Дворецки. Артеми́с еще раз глубоко вдохнул, почувствовав прилив необычайной благодарности к своему слуге.

– Дворецки, – сказал он, – напомни мне, мы обязательно должны поговорить о том, чтобы повысить тебе зарплату...

Но это был вовсе не Дворецки. Это был Арно Олван. И на его левой ладони лежали два конуса из желтоватой пенки.

– Затычки, – процедил он сквозь сломанные зубы. – Всегда вставляю их перед боем. Очень предусмотрительно с моей стороны, правда?

В правой руке Олван держал пистолет с глушителем.

– Сначала ты, – сказал он. – Потом громила.

Арно Олван взвел пистолет, прицелился и выстрелил.

Глава 2

Чрезвычайное положение

Гавань, Нижние Уровни

Артеми́с совершенно случайно обнаружил лучи слежения, испускаемые приборами Легиона подземной полиции, – параметры поиска были заданы настолько неконкретно, что кубик исследовал как космос, так и недра Земли. И это имело далеко идущие последствия.

Тем временем глубоко-глубоко под землей силы полиции волшебного народца разбирались с последствиями восстания гоблинов. С попытки вооруженного переворота прошло почти три месяца, многие зачинщики уже сидели за решеткой, и все равно в многочисленных туннелях, окружающих город, еще скрывались вооруженные «тупорылами» гоблины из преступной триады Б'ва Келл.

Однако вот-вот должен был начаться туристический сезон, поэтому в операции «Зачистка» был задействован каждый свободный офицер Подземной полиции. Совету совсем не хотелось, чтобы туристы истратили все свое отложенное на отпуск золото в Атлантиде – в конце концов, доходы от туризма составляли восемнадцать процентов городского бюджета.

Капитан Малой также разделила судьбу всех свободных офицеров, хотя в Корпусе она обычно занималась тем, что ловила подземных жителей, пробравшихся на поверхность без визы (очень ответственная работа: если хотя бы кто-то из волшебного народца попадет в руки вершков, Гавань разом перестанет быть безопасной гаванью). Но сейчас начальство было настроено крайне серьезно: Совет не успокоится, пока последний гoblin, хоть как-то связанный с преступной триадой Б'ва Келл, не очутится в уютной, надежной камере «Гоблинской тишины». Так что Элфи, как и все прочие офицеры Легиона, была отправлена на улицы.

Как правило, попадалась всякая мелюзга. Вот, например, сегодня. Хозяин одной из закусочных, специализирующихся на деликатесах из насекомых, явился утром на работу и обнаружил прямо посреди зала четырех громко храпящих гоблинов. Вломившись накануне вечером в закусочную, гоблины так набили свои животы, что, по-видимому, были даже не в силах уползти, а потому заснули прямо на месте преступления.

Им еще повезло, что Элфи подросла вовремя: владелец ресторанчика уже собирался опустить чешуйчатую четверку во фритюрницу.

В операции «Зачистка» партнером Элфи оказался капрал Шкряб Келл – младший брат знаменитого капитана Трубы Келпа, одного из лучших и наиболее славных офицеров полиции. Однако Шкряб, в отличие от своего старшего брата, большим мужеством не отличался.

– Чуть ноготь не сорвал, когда надевал эти дурацкие рукавичники на последнего гоблина, – пожаловался Шкряб, посасывая большой палец.

– Больно, наверное... – откликнулась Элфи, честно постаравшись сделать вид, будто и правда сочувствует.

Засунув хулиганов в фургон, они направились по главной дороге к Полис-Плаза, в штаб-квартиру Легиона. Кстати говоря, фургон был «неуставным». За время своей недолговечной революции гангстеры Б'ва Келл умудрились сжечь столько полицейских машин, что Легион был вынужден реквизировать все транспортные средства, пригодные для перевозки заключенных. Элфи достался фургон, с которого раньше торговали пиццей. Работавшие в полицейском гараже гномы заварили откидной люк сбоку, удалили установленные внутри жаровни и нарисовали спреем на борту громадный желудь, эмблему Легиона. С чем они так и не смогли справиться, так это с запахом.

Шкряб внимательно осматривал сломанный ноготь.

– У этих рукавичников слишком острые кромки. Наверное, мне стоит подать жалобу.

Элфи сосредоточилась на дороге, хотя управлять фургоном было совсем не обязательно – он сам шел по магнополосе. Шкряб любил подавать жалобы, просто обожал писать всякие бумажки. Младший брат Трубы придирился ко всем и вся, кроме себя самого. Но в данном случае он был не прав: у вакуумных рукавичников (то же самое, что наручники, только как рукавицы) не было острых кромок. Если бы такие кромки были, гоблин, к примеру, мог бы проковырять дыру в одной из рукавиц и тем самым обеспечить к руке доступ кислорода. Вряд ли кому-нибудь захочется перевозить в салоне гоблинов, способных метать шаровые молнии.

– Знаю, многие сочтут это мелкой придижкой. Подумать только, жаловаться по поводу какого-то заусенца! Но разве я хоть когда-нибудь придирился?

– Ты? О, никогда!

Шкряб важно надулся:

– В конце концов, кто, как не я, осмелился встать на пути самого Дворецки! Единственный из первого взвода Быстрого реагирования!

Элфи громко застонала. Ей очень не хотелось уже в который раз выслушивать историю схватки с коварным и опасным Артемисом Фаулом – с каждым новым пересказом эта повесть становилась все длинней и обрастала все более фантастическими подробностями. На самом деле той ночью Дворецки отпустил Шкряба целым и невредимым потому, что капрал Келп был самой мелкой рыбешкой из попавшего в плен взвода.

Шкряб пропустил ее скорбный стон мимо ушей.

– О, я отлично все помню, – возвестил он напыщенно. – Ночь была темной...

И тут, словно его слова обладали некой магической силой, во всем городе погас свет.

Отключилось питание дороги, и фургон остановился на центральной полосе замершего шоссе.

– Это... Это ведь не я, правда? – испуганно прошептал Шкряб.

Элфи не ответила, так как уже выскакивала из кабины. Над ее головой постепенно погружались во мрак световые полосы, имитирующие синий небосвод. Но прежде чем свет погас совсем, Элфи успела оглянуться в сторону Северного туннеля. Ее опасения сбылись: дверь туннеля опускалась, а по ее нижней кромке бегали аварийные огни. Шестьдесят метров непробиваемой стали отделяли теперь Гавань от внешнего мира. Такие же двери опускались во всех стратегически важных проездах города. Изоляция. Существовали только три причины, по которым Совет мог санкционировать полную изоляцию города: наводнение, карантин или... на территорию вторглись вершки.

Элфи быстро осмотрелась по сторонам. Никто не тонул, да и больным никто вроде не выглядел. Значит, пришли люди. Похоже, сбывался худший из кошмаров волшебного народа.

Постепенно стало зажигаться аварийное освещение. Мягкое белое сияние солнечных полос сменилось зловещим оранжевым свечением. Сейчас магнитное покрытие дороги передаст всем служебным машинам импульс энергии, достаточный, чтобы добраться до ближайшей станции.

Обычным жителям повезло меньше. Они будут вынуждены добираться домой пешком. Сотнями они вылезали из машин и от испуга не пытались даже возмущаться. Это придет потом.

– Капитан Малой! Элфи!

Кричал Шкряб. Наверняка опять собирался на кого-то пожаловаться.

– Капрал, – строго произнесла она, поворачиваясь к фургону, – не время паниковать. Мы должны подавать пример...

Однако наставления разом застряли в ее горле, когда Элфи увидела, что происходит с фургоном. Все полицейские машины уже должны были получить десятиминутный импульс энергии, чтобы доставить груз в безопасное место. Той же энергии хватило бы на подпитку вакуумных рукавичников. Но Элфи и Шкряб использовали не служебную полицейскую машину, а потому питания им не досталось. Гоблины каким-то образом почувствовали это и сейчас пытались прожечь стенки фургона.

Из кабины вывалился Шкряб в почерневшем от сажи шлеме.

– Они расплавили рукавичники и уже взрывают дверь, – хрипло прокричал он, отбегая на безопасное расстояние.

Гоблины. Этакая шутка эволюции: взяли самую тупую на планете тварь и наделили ее способностью порождать огонь. Но гномы-техники учли способности гоблинов и обшили борта фургона дополнительными стальными щитами, так что гоблины скорее захлебнутся в расплавленном металле, чем пробьются наружу. Не самая приятная смерть даже для огнеупорных тварей.

Элфи включила усилитель шлема:

– Эй, в фургоне! Немедленно прекратить огонь! Или хотите свариться заживо?

В течение нескольких секунд из всех щелей машины валил дым. Затем фургон покачнулся, и к решетке прижалась змеиная морда с высунутым раздвоенным языком.

– Считаешь нас совсем дураками, эльфийка? Да мы прожжем эту гору мусора насквозь...

Сделав пару шагов вперед, Элфи увеличила громкость динамика.

– А теперь послушай меня, гоблин. Вы абсолютно тупые твари, признай этот факт и давай перейдем к решению вопроса. Если вы продолжите метать шаровые молнии, крыша и борта машины расплавятся и устроят вам такой душ, который вы до скончания жизни не забудете. Возможно, вы огнеупорны, но долго ли вы протянете в ванне из расплавленного металла?

Гоблин задумался, облизывая лишенные век глаза.

– Ты все врешь, эльфийка! Очень скоро мы сделаем дыру в этой ржавой телеге, а потом разберемся с тобой!

Гоблины возобновили атаку. Борта фургона начали выгибаться и коробиться.

– Пожалуй, не стоит волноваться, – с безопасного расстояния окликнул ее Шкряб. – Огнетушители их мигом успокоят.

– Успокоили бы, – поправила Элфи. – Если бы не были замкнуты на основную систему питания, которая в данный момент не работает.

Каждый фургон, торгующий горячей пищей, должен был соответствовать строжайшим правилам пожарной безопасности, иначе его колесам не разрешили бы даже коснуться поверхности дороги. Именно поэтому в машине были установлены пенные огнетушители, способные всего за несколько секунд заполнить салон огнестойкой пеной. Одним из преимуществ этих огнетушителей являлась способность пены затвердевать при контакте с воздухом, одним из недостатков – питание от дорожной энергетической сети. Нет питания – нет пены.

Элфи достала из кобуры свой «Нейтрино-2000»:

– Придется включать огнетушители вручную.

Капитан Малой опустила забрало шлема и поднялась в кабину фургона. Даже притом что микроволокна полицейского комбинезона были предназначены поглощать избыточное тепло, она старалась двигаться как можно более осторожно. На микроволокна надейся, да сам не плошай.

Гоблины лежали на спинах и посылали молнию за молнией в металлическую крышу фургона.

– Так, ребята, а теперь закончили развлекаться! – приказала она, просовывая бластер сквозь решетку.

Трое гоблинов решили не обращать на нее внимания, но один, вероятно главарь, повернул чешуйчатую морду к решетке и воззрился на Элфи татуированными глазами. Подумать только, нанести татуировки на глазные яблоки! Если бы триада Б'ва Келл не была разгромлена, такое проявление крайней тупости наверняка гарантировало бы этому придурку продвижение по службе.

– Ты не сможешь убить нас всех, эльфийка, – прошипел гoblin, выпуская клубы дыма из пасти и узких ноздрей. – Кто-нибудь из нас успеет добраться до тебя.

Гoblin был абсолютно прав, хотя, наверное, сам этого не понимал. Элфи вдруг вспомнила, что во время чрезвычайного положения стрелять из бластеров строго-настрого запрещено – кто знает, быть может, именно сейчас вершки зондируют подземный мир на предмет странных вспышек энергии?

Увидев ее замешательство, гoblin возликовал.

– Значит, я прав! – завопил он и швырнул в решетку шаровую молнию.

В забрало шлема Элфи ударили искры. Крыша фургона, в которую непрерывно лупили огненные шары, угрожающе прогнулась. Еще пара-другая молний, и металл расплавится.

Элфи отстегнула от ремня дротик и вставила его в метательное устройство под главным стволом «Нейтрино». Это устройство приводилось в действие мощной пружиной, а потому не излучало при выстреле тепла, которое могли бы уловить вражеские датчики.

Морда гоблина изумленно вытянулась, но потом расплылась в широкой улыбке. Гоблины любили повеселиться, частенько забывая, что хорошо смеется тот, кто смеется последним.

– Дротик? Ты что, решила зачекотать нас до смерти, маленькая эльфийка?

Элфи прицелилась в скобу над соплом пенного огнетушителя, прикрепленного к задней стенке фургона.

– Сейчас узнаешь, – сказала она, нажимая на курок.

Дротик пролетел над головой гоблина и попал точно в скобу, протянув тонкий трос через весь фургон.

– Так ты еще и косая! – обрадовался гoblin, показывая Элфи раздвоенный язык.

Только такая глупая тварь, как гoblin, могла надеяться одержать верх, оказавшись в плавящемся фургоне под прицелом офицера полиции.

– Я же сказала, сейчас все узнаешь! – рывкнула Элфи и дернула трос, срывая скобу огнетушителя.

Восемьсот килограммов огнестойкой пены вырвались наружу со скоростью более двухсот миль в час. Наверное, не стоит и говорить, что все шаровые молнии мигом погасли. Быстро твердеющая пена прижала гоблинов к полу, а их жоака так притиснуло к решетке, что Элфи могла даже прочесть татуировки на его глазных яблоках. «Низабуду» – гласила одна, «Мать радную» – завершала другая. С орфографией у гоблина были большие проблемы.

– Ой!.. – воскликнул гoblinский жоак скорее от удивления, чем от боли, но больше ничего сказать не успел: его пасть мигом забила пена.

– Не волнуйся, – успокоила его Элфи. – Пена пористая, так что дышать ты сможешь. К тому же она абсолютно огнестойкая. В общем, приятного аппетита.

Когда Элфи вылезла из кабины, Шкряб по-прежнему разглядывал свой сломанный ноготь. Сняв шлем, Элфи рукавом комбинезона стерла с забрала шлема черную сажу. Вообще-то, сажа не должна была прилипать к забралу – может, пора обновить покрытие?

– Все в порядке? – спросил Шкряб.

– Да, капрал. Все в порядке. Но только не твоими стараниями.

– Я прикрывал тебе спину, капитан, – тут же пояснил Шкряб, приняв обиженный вид. – А вдруг на нас напали бы сзади?

У Шкряба на все была готова отговорка. Но ничего, с ним можно разобраться и потом, а сейчас нужно как можно быстрее добраться до Полис-Плаза и выяснить, с чего бы это Совет решил закрыть город.

– Думаю, нам следует вернуться в штаб-квартиру, – предложил Шкряб. – Если на нас действительно напали вершки, парни из разведывательного отдела наверняка захотят побеседовать со мной. Ну, ты же знаешь, я один остался на ногах после того столкновения с Дворецки...

– Думаю, это мне следует вернуться в штаб-квартиру, – перебила его Элфи. – А ты подежуришь здесь и присмотришь за подозреваемыми, пока не включат питание. Справишься? Или этот твой сломанный ноготь полностью вывел тебя из строя?

Мокрые от пота рыжеватые волосы Элфи воинственно торчали во все стороны, а круглые карие глаза как будто подначивали: «Попробуй только возразить мне, капрал».

– Конечно, Элфи... капитан. Можешь на меня положиться. Все под контролем.

«Что-то я сомневаюсь», – подумала Элфи и побежала в сторону Полис-Плаза.

В городе царил хаос. Все жители вывалили на улицы и в полном изумлении таращились на застывшие машины и отключившиеся приборы. Для некоторых представителей волшебного народца (тех, что помоложе) отключение мобильных телефонов стало невосполнимой утратой. Они сидели на тротуарах и тихонько плакали.

Штаб-квартира полиции привлекала любопытных, как лампа – мотыльков. Это здание осталось одним из немногих освещенных домов в городе. Больницы и машины «скорой помощи» были оборудованы аварийными источниками питания, но из правительственных зданий снабжалась энергией только штаб-квартира Легиона.

Элфи с трудом пробилась сквозь толпу в вестибюль. Очередь, выстроившаяся в отдел по контактам с общественностью, спускалась по лестнице и даже выходила на улицу. Сегодня всех интересовал только один вопрос: что случилось с энергией?

Тот же самый вопрос был готов сорваться с губ Элфи, вбежавшей в комнату для оперативных совещаний, но капитан вовремя прикусила язык. В зале уже собрались все капитаны Легиона, также тут присутствовали трое майоров, отвечающих за три основных подразделения полиции, и все семеро членов городского Совета.

– А-а-а! – воскликнул председатель Совета Кахартес. – Вот и наша капитан Малой. Только вас и ждем.

– Я использовала гражданскую машину, не оборудованную аварийным питанием, поэтому... – начала объяснять Элфи.

Кахартес поправил форменную остроконечную шляпу:

– Сейчас не время для извинений, капитан. Господин Жеребкинс наотрез отказался начинать брифинг без вас.

Элфи заняла место за столом капитанов рядом с Трубой Келпом.

– Шкряб в порядке? – тихонько спросил он.

– Повредил палец.

Труба закатил глаза:

– Значит, следует ждать очередную жалобу...

Кентавр Жеребкинс вошел в комнату, прижимая к груди стопку компьютерных дисков. Жеребкинс был техническим гением Легиона, и только благодаря его техническим усовершенствованиям вершкам до сих пор не удалось обнаружить подземное убежище волшебного народца. Но похоже, что-то изменилось.

Кентавр привычным движением установил диски в рабочую систему и открыл несколько окон на плазменных экранах, развешанных по всей комнате. Экраны отображали замысловатые алгоритмы и всевозможные волновые спектры.

Жеребкинс громко откашлялся.

– Итак, вы, наверное, все уже поняли, – возвестил кентавр. – Именно поэтому я и посоветовал председателю Кахартесу объявить чрезвычайное положение.

Майор Крут яростно затянулся незажженной грибной сигарой.

– Жеребкинс, я, скорее всего, выражу общее мнение, если скажу, что вижу только какие-то черточки и закорючки. Ты, конечно, очень умная лошадь и чудесно разбираешься в этой абракадабре, но, пожалуйста, объясни все нам, дуракам, на простом гномьем языке.

Жеребкинс устало вздохнул:

– Хорошо. Если говорить просто. Совсем просто. Нас засекли. Я доходчиво объяснил?

Судя по тому, что в комнате воцарилась зловещая тишина, объяснить доходчивее было сложно. Словечко «засекли» использовалось в военно-морском флоте со стародавних времен, когда наиболее эффективным средством обнаружения считался гидролокатор. «Засечь» – увидеть на экране цель. Кто-то из вершков прознал о существовании волшебного народца.

Крут первым обрел дар речи:

– Засекли? И кто же нас засек?

Жеребкинс пожал плечами:

– Не знаю. Сигнал длился всего несколько секунд. Характеристики, как и источник сигнала, определить не удалось.

– Что им стало известно?

– Достаточно много. Все относящееся к Северной Европе. Места расположения терминалов, охранных датчиков, камер слежения. Более того, враг умудрился скачать с наших устройств всю записанную ими информацию.

Положение было поистине катастрофическим. Всего за несколько секунд неведомый враг каким-то образом заполучил все данные, связанные с пребыванием волшебного народца в Северной Европе.

– Это были вершки или инопланетяне? – спросила Элфи.

Жеребкинс ткнул пальцем в цифровое изображение луча.

– Точно сказать не могу. Если это были вершки, значит они разработали нечто совершенно новое. Насколько я знаю, никто из верхних жителей не обладал такими технологиями и не занимался их разработкой. Устройство читало нас как открытую книгу, сквозь мои коды безопасности враг прошел так, словно их не было вовсе.

Кахартес снял остроконечную форменную шляпу и вытер лоб. В такой ситуации не до официоза.

– И чем все это грозит волшебному народцу?

– Трудно сказать. Есть два варианта развития событий: благоприятный и неблагоприятный. Наш таинственный гость может узнать все о нашей цивилизации, когда ему заблагорассудится, и поступить с ней так, как ему заблагорассудится.

– А при благоприятном развитии событий?

Жеребкинс глубоко вздохнул:

– Председатель, я описал именно благоприятный вариант.

Майор Крут вызвал Элфи в свой кабинет. В помещении страшно воняло сигарами, несмотря на встроенный в письменный стол очиститель воздуха. Жеребкинс уже был здесь, и его пальцы быстро бегали по клавиатуре компьютера майора.

– Луч исходил из Лондона, – сказал кентавр. – И то нам сильно повезло. Мы знаем это только благодаря тому, что я в тот момент случайно посмотрел на монитор. – Кентавр отошел от клавиатуры и покачал головой. – Невероятно. Какая-то гибридная технология. Почти в точности повторяет наши ионные системы, за исключением пары-другой незначительных деталей.

– Меня сейчас не волнует, как это было сделано, – перебил его Крут. – Меня больше интересует, кто за всем этим стоит.

– Что от меня требуется, сэр? – спросила Элфи.

Крут встал из-за стола и подошел к выведенной на плазменный экран карте Лондона.

– Ты должна взять все необходимое для спецоперации оборудование и подняться на поверхность. Там ты затаишься и будешь ждать. Если нас снова попытаются засечь, я хочу, чтобы наверху был наготове надежный офицер Легиона. Мы не можем записать сигнал, но его направление мы легко проследим. Как только луч снова появится на наших экранах, мы сообщим тебе координаты и план действий.

Элфи кивнула:

– Когда ожидается очередной экспресс?

«Экспрессом» офицеры Легиона иногда называли выбросы магмы, на волнах которой они взлетали к поверхности Земли в титановых капсулах. А подобные полеты, в которых почти все зависело от интуиции и мастерства пилота, назывались «прокатиться на экспresse».

– Не повезло, к сожалению, – ответил Жеребкинс. – В ближайшие два дня экспрессов не будет. Придется лететь на шаттле.

– А как же чрезвычайное положение?

– Я возобновил подачу энергии к шахте под Стоунхенджем, и спутниковая сеть тоже работает. Ничего не попишешь, придется рискнуть. Ты обязана попасть на поверхность. От этого зависит будущее нашей цивилизации. Кстати, будь постоянно на связи.

Элфи ощутила на плечах знакомый груз ответственности. В последнее время «будущее нашей цивилизации» поминалось все чаще и чаще.

Глава 3

Игры со льдом

«Ле Плавник», Найтсбридж

Звуковая волна от взрыва гранаты Дворецки вынесла дверь на кухню и разбросала кухонную утварь из нержавеющей стали, как палую листву. Аквариум разбился, каменные плиты пола залило водой, засыпало битым стеклом и удивленными омарами, которые сейчас копошились среди мусора, высоко подняв клешни.

Связанные и промокшие, но тем не менее живые служащие ресторана лежали на полу. Дворецки не стал их развязывать. В данный момент ему только истерик не хватало. Ничего страшного, пусть полежат, пока он не устранил все возможные источники опасности.

Зашевелилась застрявшая в тонкой перегородке старушка. Телохранитель внимательно посмотрел на нее, однако, судя по упершимся в кончик носа глазам, старушку сейчас ничего не интересовало. И все же на всякий случай Дворецки вытащил из ее безвольной руки пистолет и опустил себе в карман. Осторожность никогда не помешает – он не раз убеждался в справедливости этой поговорки. Если бы мадам Ко, наставница Дворецки, увидела сегодня своего любимого ученика, прости-прощай его выпускная татуировка.

На кухне все было чисто, но что-то по-прежнему беспокоило верного слугу. Внутри Дворецки как будто скрежетали друг о друга два сломанных конца кости – это давал знать о себе инстинкт настоящего солдата, о чем-то предостерегающий. И снова Дворецки вспомнил мадам Ко, своего сэнсэя: «Основной функцией телохранителя является защита патрона. Патрона нельзя застрелить, когда вы заслоняете его своим телом». Мадам Ко всегда называла работодателей патронами. Он – патрон, вы – телохранитель, и этим сказано все.

Дворецки задумался, почему именно сейчас ему в голову пришла эта мысль. Почему именно она – из сотен других, вбитых в его голову мадам Ко? Ответ был очевиден. Он нарушил главное правило телохранителя, оставив своего патрона без защиты. Второе правило всех телохранителей («нельзя допускать развития эмоциональной привязанности к патрону») тоже не очень-то им соблюдалось. Дворецки слишком сильно привязался к Артемису, и это начинало сказываться на его способности правильно оценивать ситуацию.

Он представил перед собой мадам Ко, так похожую (если не считать комбинезона цвета хаки) на миллионы других японских домохозяек. Но сколько из этих домохозяек могли нанести удар ребром ладони столь стремительно, что воздух аж свистел? «Стыдись, Дворецки. Ты позоришь свою профессию, свое имя. С твоими талантами тебе лучше было пойти в сапожники. Твой патрон уже нейтрализован».

Дворецки двигался как во сне. Воздух словно сковывал его движения, мешал бежать. Выбитая дверь, ведущая в зал, была так далеко... Слишком поздно он понял, что именно не давало ему покоя. Арно Олван был профессионалом. Возможно, тщеславным, что в среде телохранителей считалось одним из главных грехов, но тем не менее профессионалом. А профессионалы, если существует хоть малейшая опасность перестрелки, всегда вставляют в уши затычки.

Ноги скользили по каменным плитам, и Дворецки, наклонившись вперед, что было сил вжимал в пол резиновые подошвы ботинок. Его уши уловили доносившиеся из зала колебания воздуха. Разговор. Артемис с кем-то говорит. Наверняка с Арно Олваном. А значит, он, Дворецки, уже опоздал.

Телохранитель вылетел из кухни со скоростью, которой не постыдился бы и олимпийский чемпион. Мозг, сняв изображение с сетчатки глаза, сразу начал подсчитывать шансы. Олван уже нажимал на курок. Этому невозможно было помешать. Оставался только один выход. И Дворецки, не колеблясь ни доли секунды, прыгнул.

В правой руке Олван держал пистолет с глушителем.

– Сначала ты, – сказал он. – Потом громила.

Арно Олван взвел пистолет, прицелился и выстрелил.

Дворецки появился словно ниоткуда, казалось, он заполнил собой весь зал, встав на пути пули. Если бы выстрел был произведен с большего расстояния, пуленепробиваемый жилет из кевлара выдержал бы удар, однако при выстреле в упор покрытая тефлоном пуля прошла сквозь жилет, как раскаленная кочерга сквозь снег, и вонзилась в тело Дворецки ровно на сантиметр ниже сердца. Тем не менее рана была смертельной. И на этот раз не было рядом капитана Малой, которая могла бы спасти Дворецки своей целительной магией.

Инерция, усиленная ударом пули, бросила Дворецки на Артемиса и прижала мальчика к тележке для десерта. Из-под громадного телохранителя торчал только мокасин «Армани», принадлежавший Артемису.

Дыхание Дворецки стало прерывистым, зрение затуманилось, однако верный слуга еще жил. Его мозговые функции быстро угасали, и только одна-единственная мысль преследовала умирающего Дворецки: во что бы то ни стало защитить патрона.

Арно Олван удивленно вздохнул, и Дворецки, ориентируясь на звук, вскинул свой пистолет и шесть раз подряд нажал на курок. Ствол задержался, посылая пули во все стороны, – если бы Дворецки мог видеть, то сгорел бы на месте от стыда за такой непрофессионализм. Впрочем, одна из пуль почти попала в цель – чиркнула по виску Олвана. Олван покачнулся, словно его ударили громадным молотом, и, потеряв сознание, присоединился к остальным членам своей команды, то есть рухнул на пол.

Стараясь не обращать внимания на страшную боль, что пульсировала в груди и разрывала все внутренности, Дворецки прислушался. Вроде бы тихо, лишь омары продолжали копошиться на каменных плитах, постукивая своими клешнями. И если бы одному из омаров взбрело в голову напасть, Артемису пришлось бы обороняться самостоятельно.

Ну а он, Дворецки, больше ничего сделать не мог, так что либо Артемис сейчас в безопасности, либо... Так или иначе, Дворецки был не в состоянии и дальше выполнять условия своего контракта. Как ни странно, осознав это, он сразу успокоился. Груз ответственности свалился с его плеч. Теперь Дворецки принадлежал себе, и только себе, пусть даже жить ему оставалось всего несколько секунд. В любом случае Артемис приходился ему не просто патроном, он был частью его жизни. Его единственным настоящим другом. Мадам Ко вряд ли одобрила бы эти мысли Дворецки, но сейчас даже она не в силах была что-либо изменить. Приближалась смерть.

Артемис ненавидел десерт. А сейчас он оказался погребенным под слоем эклеров, творожных тортов и пирожных со взбитыми сливками. Костюм был безвозвратно испорчен. Конечно, такие мысли приходили в голову Артемиса только потому, что он старался не думать о том, что произошло. Впрочем, трудно было не замечать лежащего на тебе двухсотфунтового тела.

К счастью для Артемиса, удар бросил его на вторую полку тележки, тогда как Дворецки обрушился на верхнюю полку, где было выставлено мороженое. Падение Артемиса существенно смягчило шварцвальдское печенье, однако врачу показаться все же стоило. Кстати, и Дворецки тоже не помешало бы обследоваться, хотя слуга обладал телосложением тролля.

Артемис попробовал выбраться из-под тяжеленного тела Дворецки, с отвращением ощущая, как под руками лопаются пирожные, стреляя во все стороны мерзкими кремовыми струйками.

– Честное слово, Дворецки, – проворчал Артемис. – Отныне я буду более осторожен в выборе деловых партнеров. Не проходит и дня, чтобы мы не стали жертвами чьего-нибудь заговора.

Увидев на полу ресторана бесчувственного Арно Олвана, Артемис немного успокоился.

– Ну что ж, еще один злодей наказан, – усмехнулся он. – Отличный выстрел, Дворецки, как всегда впрочем. Кстати, вот еще что: я решил на все будущие деловые встречи надевать пуленепробиваемый жилет. Это несколько облегчит твою работу, верно?

И тут Артемис увидел рубашку Дворецки. Это зрелище выбило весь воздух из груди мальчика, как будто его ударили здоровенной невидимой кувалдой. Из дыры в рубашке телохранителя сочилась густая кровь.

– Дворецки, ты ранен! В тебя попала пуля. А как же кевлар?

Телохранитель не ответил. Впрочем, этого и не требовалось. Артемис разбирался в науке не хуже большинства ядерных физиков. Честно говоря, под псевдонимом Эмц Квадратт он частенько выступал в Интернете с лекциями. Очевидно, скорость пули была столь велика, что жилет не выдержал. А может, пуля вдобавок была покрыта тефлоном, что увеличивало ее убойную силу.

Какая-то часть Артемиса хотела броситься к Дворецки, обнять его и разрыдаться, как над умирающим братом. Однако Артемис подавил в себе этот порыв. Слезами горю не поможешь, сейчас нужно было что-то придумать, причем как можно быстрее.

Ход его мыслей был нарушен голосом Дворецки.

– Сэр, Артемис... это вы? – задыхаясь, прошептал верный телохранитель.

– Да, это я, – дрожащим голосом откликнулся Артемис.

– Не волнуйтесь, сэр, Джульетта защитит вас. Все будет в порядке.

– Ничего не говори, Дворецки. И не шевелись. Рана не из тяжелых, я...

Дворецки издал некий полусмешок-полувсхлип. На большее он сейчас был не способен.

– Ну хорошо, рана тяжелая, но я что-нибудь придумаю. Только лежи и не шевелись.

Из последних сил Дворецки поднял руку.

– Прощайте, сэр, Артемис... – промолвил он. – Мой друг.

Артемис взял Дворецки за руку. Слезы текли по его щекам, он уже не мог сдерживаться.

– Прощай, Дворецки.

Взгляд ничего не видящих глаз евразийца был почти умиротворенным.

– Сэр, на самом деле меня зовут... Домовой.

Дворецки – это была только фамилия телохранителя, а вот свое имя он никогда никому не открывал. «Никогда не говорите свои имена патронам» – это было еще одно непреложное правило телохранителей, которых готовили в академии мадам Ко. Таким образом между хозяином и слугой поддерживались беспристрастные отношения.

И вот теперь оказалось, что Дворецки в детстве получил очень символическое имя. Домовой – так славяне называли духа, охраняющего дом и очаг.

– Прощай, мой верный Домовой, – проговорил Артемис сквозь слезы. – Прощай, мой друг.

Рука слуги обмякла. Дворецки умер.

– Нет! – выкрикнул Артемис и попятился назад.

Какая несправедливость! Их дружба не должна была закончиться вот так. Почему-то Артемису всегда представлялось, что они умрут одновременно, оказавшись перед лицом непреодолимых препятствий, в каком-нибудь экзотическом месте. У жерла вновь проснувшегося Везувия, например, или на берегу великого Ганга. Но рядом друг с другом, как насто-

ящие друзья. После всего того, через что им пришлось пройти, Дворецки не мог погибнуть вот так, от руки жалкого гангстеришки.

Разумеется, Дворецки мог погибнуть и раньше. В позапрошлом году он вступил в неравную битву с троллем, и только вмешательство целебной магии Элфи Малой помогло сохранить ему жизнь. Но сейчас рядом не было никого, кто мог бы спасти его. А самым главным врагом было время. Будь времени побольше, Артемис связался бы с Подземной полицией и убедил Элфи еще раз применить ее магию. Однако секунды неумолимо утекали. До того как мозг Дворецки умрет, оставалось не более четырех минут. Даже такой могучий интеллект, каковым обладал Артемис Фаул, не мог за столь короткое время найти выход из создавшегося положения. Нужно было как-то купить время. Или украсть его.

Думай, мальчик, думай! Используй то, что есть в наличии. Усилием воли Артемис перекрыл источник слез. Итак, он в ресторане, в рыбном ресторане. Бесполезно! Будь они в больнице, он бы смог что-нибудь предпринять, но здесь? Что вообще здесь есть? Плита, раковины, кухонная утварь. Кроме того, он владел только основами медицины, и пока что сложные операции были ему не под силу. Возможно, в скором будущем, но не сейчас. И операция здесь уже не поможет. За четыре минуты трансплантировать сердце? Ни один врач на это не способен.

Драгоценные секунды уходили. Артемис начинал сердиться на себя. Время работало против них. Время стало врагом. Время нужно было остановить. И тут в ослепительной вспышке нейронов родилась мысль. Остановить время Артемис не мог, зато мог замедлить его бег для Дворецки. Спору нет, план очень рискованный, но другого выхода у них не было.

Артемис ударил ногой по тележке, снимая тормоз, и быстро покатил ее в сторону кухни. Впрочем, несколько раз ему все же пришлось остановиться, чтобы убрать с дороги стонущих наемных убийц.

Машины «скорой помощи» и полиция наверняка уже едут сюда, петляя по узким улицам Найтсбриджа. Взрыв звуковой гранаты не мог не привлечь внимания людей. У Артемиса оставались считанные секунды, чтобы придумать правдоподобную версию происшедших здесь событий. Хотя лучше будет убраться отсюда до прибытия властей. Отпечатки пальцев особой проблемы не представляют: ресторан пользовался популярностью, и в нем всегда было много посетителей...

Кухонные полки, плиты и столы для разделки были засыпаны обломками камней и осколками посуды. Рыба билась в раковине, ракообразные ползали по каменным плиткам пола, а с потолка капала черная икра.

Вот! У задней стены стояли большие холодильники, без которых не обходится ни один рыбный ресторан. Артемис с новыми силами приналег на тележку.

Самым огромным был изготовленный на заказ холодильник с выдвижными ящиками. Такие частенько используют в крупных ресторанах. Артемис выдвинул нижний ящик и быстро выселил оттуда лежавших на ледяной крошке лососей, морских окуней и парочку хеков.

Криогеника. Их единственный шанс. Тело неизлечимо больного человека можно заморозить, и в таком виде, пребывая между жизнью и смертью, человек будет ждать времени, когда медицина разовьется настолько, что сможет его оживить. Обычно отвергаемая медицинским сообществом, криогеника тем не менее вполне неплохо существовала на деньги эксцентричных богачей, которым и нескольких жизней не хватило бы, чтобы потратить свои миллиарды долларов. Криогенные камеры, как правило, изготавливались в строгом соответствии с техническими условиями, но сейчас Артемису было не до соблюдения стандартов. Холодильник хотя бы на время решит проблему. Главное – заморозить мозг Дворецки, чтобы предотвратить разрушение мозговых клеток. Пока в мозге протекают какие-то процессы, теоретически человека можно оживить, даже если сердце его остановилось.

Артеми́с подкатил тележку к открытому ящику холодильника, после чего, используя в качестве рычага большое серебряное блюдо, перевалил тело Дворецки на исходящий паром лед. Поскольку в ящике было тесно, Артеми́су пришлось немного согнуть ноги телохранителя. Затем Артеми́с забросал тело своего павшего товарища ледяной крошкой и настроил термостат на минус четыре градуса, чтобы предотвратить разрушение тканей. Сквозь слой льда на него невидящим взором смотрели глаза телохранителя.

– Я вернусь, – пообещал мальчик. – Спи спокойно.

Звук сирен приближался. Послышался яростный визг тормозов.

– Держись, Домовой, – прошептал Артеми́с и задвинул ящик холодильника.

Покинув ресторан через заднюю дверь, Артеми́с быстро смешался с толпой зевак и прохожих. Разумеется, полиция обязательно сфотографирует собравшийся народ, поэтому Артеми́с не стал задерживаться у полицейского кордона. Шагая прочь от ресторана, он даже ни разу не оглянулся. Добравшись до знаменитого универмага «Хэрродс», Артеми́с направился напрямик в кафе на галерее и сел там за один из столиков.

С трудом убедив официантку в том, что он вовсе не ищет маму, и продемонстрировав ей купюру, которой с лихвой хватило, чтобы оплатить чашку чая «Эрл грей», Артеми́с достал из кармана мобильный телефон и отыскал в записной книжке нужный номер.

После второго гудка он услышал ответ:

– Аллё. Кем бы вы ни были, говорите быстрее. В данный момент я очень занят.

Артеми́с набрал номер инспектора детективного отдела Нового Скотленд-Ярда Джастина Барра. Голос инспектора до сих пор звучал хрипло – из-за раны в горле, нанесенной охотничьим ножом во время драки в баре еще в девяностые. Не окажись тогда рядом Дворецки, сумевшего остановить кровотечение, Барр так и остался бы сержантом, причем навсегда. Пришло время ответной услуги.

– Детектив Барр, говорит Артеми́с Фаул.

– Как поживаете, сэр? И как там мой старый приятель Дворецки?

Артеми́с потер лоб:

– Боюсь, не слишком хорошо. Он очень нуждается в ваших услугах.

– Ради этого здоровья я готов на все. Чем могу помочь?

– Вы что-нибудь слышали о беспорядках в Найтсбридже?

После некоторой паузы до Артеми́са донесся громкий треск отрываемой от факса бумаги.

– Да, только что получил сообщение. В каком-то ресторане вылетела пара окон. Ничего серьезного. Контузило нескольких туристов. Предварительный рапорт утверждает, что причиной всему – локальное землетрясение. Представляете, какие тупицы?! Мы уже послали туда две машины. Только не говорите, что за всем этим стоит Дворецки.

Артеми́с глубоко вздохнул:

– Мне очень нужно, чтобы ваши люди не подходили к холодильникам.

– Странная просьба, сэр. Но что такое лежит в этих холодильниках и что именно я должен там не заметить?

– Ничего незаконного в холодильниках нет, – совершенно искренне сказал Артеми́с. – Однако поверьте мне на слово, для Дворецки это вопрос жизни и смерти.

– Это не совсем в моей юрисдикции, но можете считать вопрос решенным, – ни секунды не колеблясь, ответил Барр. – Вам нужно будет достать из холодильника то, что я не должен видеть?

Детектив словно бы читал его мысли.

– И как можно скорее. Мне понадобится не больше двух минут.

Барр обдумал его просьбу.

– Хорошо. Тогда давайте согласуем график. Бригада криминалистов пробудет в ресторане пару часов. Тут я ничего не могу поделать. Но ровно в четыре тридцать в ресторане не останется ни одного полицейского, это я вам гарантирую. У вас будет пять минут.

– Этого более чем достаточно.

– Отлично. Передайте здоровяку, что мы в расчете.

– Конечно, детектив Барр, – ответил Артемис, пытаясь скрыть невольную дрожь в голосе. – Обязательно передам.

«Если только у меня будет такая возможность», – подумал он.

*Криогенный институт «Ледниковый период»,
неподалеку от Харлей-стрит, Лондон*

Честно говоря, к знаменитой Харлей-стрит криогенный институт «Ледниковый период» не имел никакого отношения. На самом деле он прятался в одном из многочисленных переулков, что отходили от южного окончания этого лондонского бульвара, славящегося по всему миру своими медицинскими учреждениями. Впрочем, сей факт вовсе не помешал некоему доктору медицины по имени Констанция Лейн указать Харлей-стрит в качестве адреса на всех институтских бланках. Завоевать доверие таким образом довольно трудно, но представители высшего класса, увидев на визитной карточке волшебные слова, из кожи вон лезли, лишь бы заморозить свои бренные тела именно в этом заведении.

Артеми́с Фаул, разумеется, никогда не купился бы на такую очевидную уловку – просто у него не оставалось выбора. «Ледниковый период» был одним из трех криогенных центров в городе и единственным, в котором наличествовали свободные камеры. Хотя неоновую уличную рекламу, гласящую, что именно тут «Сдаются в аренду криогенные камеры», Артемис счел некоторым перебором.

Да и само здание заставило Артемиса неодобрительно поморщиться. Фасад был отделан анодированным алюминием (видимо, тем самым проектировщик пытался сделать свое творение похожим на космический корабль), а двери раздвигались со свистом, как в известном фантастическом телесериале «Звездный путь». И это вкус? Это архитектура? И как только выдали разрешение на строительство подобного убожества в историческом центре Лондона?

Приемом посетителей ведала медсестра в белом халате и треугольном чепчике. Хотя Артемис сильно сомневался, что сидящая перед ним женщина была настоящей медсестрой – против этого свидетельствовала зажатая между накладными ногтями дымящаяся сигарета.

– Мисс, прошу прощения...

Медсестра с заметным усилием оторвала взгляд от журнала, открытого на разделе светской хроники.

– Да, малыш? Ты кого-то ищешь?

Артеми́с сжал кулаки за спиной.

– Я хотел бы увидеть доктора Лейн, – как можно спокойнее произнес он. – Она работает тут хирургом, не так ли?

Медсестра потушила сигарету в переполненной окурками пепельнице.

– Тебе поручили в школе написать сочинение о нашем институте? Доктор Лейн строго-настрого запретила беспокоить ее по подобным пустякам.

– Обещаю, подобными пустяками я ее не побеспокою.

– А ты, случаем, не адвокат? – подозрительно осведомилась медсестра. – Ну, один из тех гениев, что получают ученую степень еще в пеленках?

Артеми́с устало вздохнул:

– Гений – да, адвокат – определенно нет. Я – клиент, мадемуазель.

Медсестра мгновенно преобразилась:

– А, клиент, что ж вы сразу-то не сказали? Немедленно вас представлю. Не желаете чая, кофе или чего покрепче?

– Мне тринадцать лет, мадемуазель.

– Тогда, может, сок?

– Подойдет чай. «Эрл грей», если у вас таковой имеется. Естественно, без сахара. К вашему сведению, быть может, вам эта информация когда-нибудь пригодится, сахар не слишком полезен для здоровья.

Медсестра безропотно проглотила насмешку – ведь перед ней стоял клиент, готовый выложить живые деньги, – и быстренько проводила Артемиса в приемную, обставленную все в том же космическом стиле: огромное количество разноцветного велюра и направленных в вечность зеркал.

Артеми́с не успел сделать и пары глотков из чашки с мутной жидкостью, которая даже отдаленно не походила на «Эрл грей», когда дверь кабинета доктора Лейн гостеприимно распахнулась.

– Э-э, прошу... – неуверенно произнесла выглянувшая из кабинета высокая женщина.

– Мне идти пешком? – саркастически уточнил Артеми́с. – Или вы меня телепортируете?

Стены кабинета были сплошь увешаны рамками. На одной стене сосредоточились всяческие сертификаты и докторские дипломы, большинство из которых, как подозревал Артеми́с, легко можно было получить за пару выходных, а на другой висели несколько больших фотографий-портретов, под которыми красовалась большая витиеватая подпись: «Тут спит любовь». Если бы не отчаянное положение, Артеми́с тут же развернулся бы и хлопнул дверью.

Доктор Лейн села за стол. Она была очень привлекательной женщиной с пышными рыжеватыми волосами и тонкими пальцами художника. Рабочий халат от Диора лишь подчеркивал красивую фигуру. Даже улыбка Констанции Лейн была идеальной, слишком идеальной. Присмотревшись повнимательнее, Артеми́с понял, что своей красотой доктор Лейн целиком и полностью обязана пластической хирургии. Очевидно, эта женщина всю жизнь положила на борьбу со временем. Значит, он попал по адресу.

– Итак, молодой человек, Трейси сказала, что вы хотели бы стать нашим клиентом? – Доктор Лейн попыталась улыбнуться, отчего кожа на ее лице растянулась и заблестела, будто резиновая.

– Это не совсем точная информация, – ответил Артеми́с. – Но я хотел бы взять в аренду одну из ваших камер.

Констанция Лейн достала из ящика рекламный проспект и обвела красным фломастером некоторые цифры.

– Наши расценки достаточно высоки.

Артеми́с даже не взглянул на буклет.

– Деньги не имеют значения. Я немедленно переведу их вам со своего счета в швейцарском банке. Через каких-нибудь пять минут сто тысяч фунтов будут ваши, и только ваши. А мне нужна криогенная камера. На одну ночь.

Названная Артеми́сом сумма произвела должное впечатление. Констанция быстро прикинула, сколько морщин можно будет удалить с помощью таких деньжищ. И все же она сомневалась.

– Ну, вообще-то, лицам, не достигшим совершеннолетия, не разрешается помещать в камеры своих родственников... Видите ли, это запрещено законом...

Артеми́с наклонился к ней:

– Доктор Лейн. Констанция. Моя просьба и в самом деле не совсем законна, но можете мне поверить, ничего преступного я не замышляю. Всего одна ночь – и вы богатая женщина. А завтра в это же время ваша камера снова будет свободна. Никаких тел, никаких претензий.

Доктор Лейн задумчиво провела пальцем по подбородку.

– Стало быть, одна ночь?

– Да. Всего одна. Вы даже не заметите нашего присутствия.

Констанция достала из ящика стола зеркальце и внимательно осмотрела лицо.

– Звоните в свой банк, – решительно сказала она.

Стоунхендж, Уилтшир

На юге Англии выходили на поверхность две шахты. Одна располагалась в самом центре Лондона, но, к сожалению, совсем недавно ее пришлось закрыть, поскольку футбольный клуб «Челси» обустроил свои поля прямо над терминалом, куда причаливали шаттлы.

Второй терминал находился в Уилтшире, совсем неподалеку от местечка, называемого вершками Стоунхенджем. У вершков существовало несколько теорий происхождения данного сооружения: кто-то говорил, что это бывшее место посадки космических кораблей, кто-то настаивал, что раньше здесь поклонялись языческим богам. Действительность была куда менее романтической. На самом деле Стоунхендж некогда являлся продуктовой лавкой, которая специализировалась на продаже разнообразной пищи, аккуратно уложенной на плоских лепешках из теста. Или, говоря человеческим языком, тут некогда торговали пиццей.

Гном по имени Топ первым подметил, что туристы очень любят покушать и очень не любят возить с собой всякого рода еду. Поэтому Топ и открыл свою лавку прямо рядом с терминалом. Дело оказалось весьма доходным. Подходишь к одному из окошек, называешь начинку – и через десять минут можно набивать брюхо.

Конечно, как только вершки научились говорить связными предложениями, Топу пришлось перенести свою лавку под землю. Впрочем, об этом он не сильно горевал. Земля вокруг пиццерии к тому времени настолько пропиталась сыром, что пара стен с раздаточными окошками даже обрушилась.

Обычным гражданам подземной страны было трудно получить визы на посещение Стоунхенджа из-за того, что вокруг этого «памятника» всегда крутилось множество вершков. (Хотя, допустим, те же хиппи видели волшебный народец практически ежедневно, и сообщения об этом никогда не попадали на первые страницы газет.) Но у Элфи, как у офицера специального подразделения Подземной полиции, проблем с визой не возникло. Стоило только показать значок Корпуса – и путь на поверхность был открыт.

Однако если не намечается выброса магмы, тут никакой значок не поможет, а шахта Стоунхенджа «молчала» на протяжении вот уже трех столетий. Ни единой искры, не говоря о каких-либо выбросах. В связи с отсутствием «экспресса» Элфи пришлось подниматься на поверхность на борту обычного пассажирского шаттла.

Билеты на ближайший рейс были проданы, но в самый последний момент одно место освободилось, и Элфи не пришлось прибегать к своим полномочиям и выселять какого-нибудь беднягу-туриста.

Шаттл представлял собой пятидесятиместный комфортабельный лайнер, подавляющее большинство пассажиров которого были членами так называемого Топового братства, совершающими паломничество к основанному их святым покровителем заведению. Эти жители подземной страны, в основном гномы, целиком и полностью посвятили свои жизни пище и каждый год в день открытия знаменитой лавки фрахтовали шаттл, чтобы устроить на поверхности небольшую пирушку. Основными блюдами в меню были: пицца, пиво из

пиццы и мороженое, политое расплавленным сыром. А ходить на ежегодном праздновании полагалось в специальном берете, сделанном под большую пиццу.

Таким образом, Элфи целых шестьдесят семь минут пришлось просидеть между двумя гномами, поглощающими в огромных количествах пиво и распеваящими гимн пицце:

«Пицца, пицца,
Нельзя не насладиться!
Вкусная, мягкая,
Сочная пицца!»

В гимне было целых сто четырнадцать куплетов, и особой оригинальностью ни один из них не отличался. Элфи никогда и не предполагала, что испытает такую радость, увидев посадочные огни Стоунхенджа.

Сам терминал был достаточно обширным и включал в себя три полосы визового контроля, центр развлечений и магазин беспопытливой торговли. Самым модным из сувениров считалась кукла-хиппи, которая, если нажать ей на живот, вскидывала вверх два пальца и говорила: «Мир, мужик».

Элфи пробилась сквозь очередь на таможенный контроль и поднялась в лифте для персонала наверх. В последнее время выход на поверхность Стоунхенджа был значительно облегчен тем, что вершки возвели вокруг огромных камней специальную ограду, думая, что охраняют свое наследие. В этом все вершки: их больше беспокоит прошлое, чем настоящее.

Элфи пристегнула крылья и, как только система контроля разрешила выход, покинула воздушный шлюз, стремительно взмыв на высоту семи тысяч футов. Облачность была плотной, и тем не менее Элфи прибегла к защитному экрану. Теперь ее точно никто и ничто не засечет. Она стала невидимой не только для человеческих, но и для механических глаз. Лишь крысы да обезьяны всего двух видов способны были видеть сквозь защитные экраны волшебного народа.

Переключив вмонтированный в крылья компьютер на автопилот, Элфи расслабилась. И все-таки приятно было снова оказаться на поверхности, тем более на закате. Ее любимое время суток. Элфи улыбнулась. Несмотря на всю серьезность ситуации, она была абсолютно уверена в собственных силах. Это ее судьба, ее жизнь. Чтобы ветер бил в забрало шлема, а миссия была практически невыполнима.

Найтсбридж, Лондон

Четыре часа пятнадцать минут пополудни. Прошло почти два часа после того, как застрелили Дворецки. Обычно момент остановки сердца от момента смерти мозга отделяет около четырех минут, однако это время могло быть увеличено за счет понижения температуры тела умирающего. К примеру, утонувшего человека возможно спасти даже в том случае, если с момента его мнимой смерти прошел целый час. Артемису оставалось только молиться о том, чтобы его самодельная криогенная камера справилась со своей задачей. Главное – побыстрее переместить Дворецки в одну из специально оборудованных палат «Ледникового периода».

Криогенный институт имел в своем распоряжении специальную передвижную установку для транспортировки усопших в частных клиниках пациентов, оборудованную автономным генератором и полностью укомплектованной операционной. Пусть даже почти все врачи считали криогенику чистым безумием, этот фургон отвечал самым жестким требованиям современной медицины. Оборудование было на высшем уровне, а гигиена поддерживалась идеальная.

– Каждый из таких фургонов стоит почти миллион фунтов стерлингов, – похвасталась Артемису доктор Констанция Лейн, когда они расположились в белоснежной передвижной операционной.

На стоявших между ними носилках покоилась криогенная капсула.

– Машины изготавливаются по заказу в Мюнхене и защищены специальной броней. Наш фургон может наехать на мину и даже не заметит этого.

Однако сейчас Артемис не был заинтересован в сборе информации.

– Приятно слышать, доктор. Кстати, ваша хваленая супермашина не может ехать быстрее? Время моего товарища истекает. Уже прошло сто двадцать семь минут.

Констанция попыталась было нахмуриться, но после стольких подтяжек кожа на ее лбу наотрез отказывалась натягиваться сколько-нибудь больше.

– Два часа? Еще никого не удалось реанимировать после такого срока. Впрочем, после пребывания в криогенной камере тоже никого не удавалось реанимировать...

Уличное движение в Найтсбридже было, как всегда, хаотичным. В «Хэрродсе» объявили однодневную распродажу, и весь квартал был осажден толпами покупателей, штурмующих шикарный универмаг. К служебному входу в «Ле Плавник» криогенный фургон подъехал лишь через семнадцать минут.

Было четыре тридцать пополудни, и, как было обещано Артемису, все полицейские уже ушли. За исключением одного: инспектор Барр лично охранял служебный вход. Джастин Барр был поистине гигантом – и потомком племени зулусов, согласно словам Дворецки. В какой-нибудь дикой африканской прерии он и Дворецки очень неплохо смотрелись бы вместе.

Фургон удалось припарковать на диво быстро, и Артемис стремительно выпрыгнул из салона.

– Криогеника... – протянул Барр, увидев эмблему на борту фургона. – Думаете, это ему поможет?

– Стало быть, вы все-таки заглянули в холодильник?

Детектив кивнул:

– Ну разве я мог удержаться? Любопытство – мое ремесло. Но сейчас очень жалею, что сунул туда свой нос. Он был хорошим человеком.

– Был и есть, – поправил его Артемис. – Я еще не готов прощаться с Дворецки.

Барр отошел в сторонку, пропуская в ресторан двоих санитаров «Ледникового периода».

– Согласно докладу моих подчиненных, группа вооруженных бандитов пыталась ограбить ресторанчик, но им помешало внезапно случившееся землетрясение. Готов съесть собственный значок, если все было именно так. Может, вы прольете хоть какой-то свет на произошедшее?

– Мой конкурент не согласился с предложенной мною деловой стратегией и чересчур разозлился. Последствия вы можете наблюдать сами.

– Кто нажал на курок?

– Арно Олван. Новозеландец. Крашеный блондин, серьги в ушах, татуировки на шее и на теле. Не хватает большей части зубов.

Барр записал все услышанное в блокнот.

– Я разошлю это описание по аэропортам. Кто знает, быть может, нам удастся его поймать.

Артемис устало потер глаза:

– Значит, он все-таки выжил... Очень жаль. Знаете, детектив, Дворецки ведь спас мне жизнь. Эта пуля предназначалась мне.

– Ничего другого я от него и не ожидал, – одобрительно кивнул Барр. – Я могу вам чем-нибудь еще помочь?

– Я сразу же дам вам знать, если в этом возникнет необходимость. Ваши офицеры поймали преступников?

Барр снова заглянул в блокнот.

– Нет, в ресторане были только несколько посетителей и официанты. Всех проверили, после чего отпустили. Нападавшим удалось ускользнуть до нашего появления.

– Неважно. Думаю, я лучше сам займусь розысками этих негодяев.

Барр изо всех сил старался не замечать того, что происходило на кухне.

– Сэр, но вы можете гарантировать, что меня не будут мучить угрызания совести? В конце концов, речь идет об убийстве.

Артеми́с посмотрел Барру прямо в глаза, что, честно говоря, было весьма непросто.

– Инспектор Барр, как говорится, нет тела – нет дела. Я гарантирую, что к завтрашнему утру Дворецки будет жив и здоров. И попрошу его позвонить вам, если вам так будет спокойнее.

– Я с радостью снова услышу его голос.

Санитары выкатили лежащее на тележке тело Дворецки. Лицо телохранителя сплошь покрывал лед. Пальцы посинели – значит, ткани уже начали отмирать.

– Хирург, который воскресит его, должен быть настоящим волшебником.

– Отчасти вы правы, инспектор Барр, – пробормотал Артеми́с, отводя глаза. – Здесь действительно потребуется волшебство.

В фургоне доктор Лейн сделала Дворецки внутривенную инъекцию глюкозы.

– Это нужно для того, чтобы предотвратить разрушение клеток, – пояснила она, массируя грудь слуги Артеми́са, чтобы лекарство распространилось по телу. – В противном случае вода в крови замерзнет и кристаллики льда повредят стенки клеток.

Дворецки лежал в открытой криогенной капсуле, слегка покачивающейся на гироскопах. Его уже успели облачить в специальный серебристый костюм для замораживания, а капсула была доверху заполнена пузырями со льдом.

– Но ведь вода в любом случае замерзнет, разве не так, доктор? – удивился Артеми́с. – Никакая глюкоза не сможет этому помешать.

Констанция была приятно удивлена этим замечанием. Как правило, клиенты старались пропускать технические объяснения мимо ушей, однако этот странный юноша с бледной, словно у вампира, кожей схватывал все буквально на лету. Даже она за ним не поспевала.

– Разумеется, вода все равно замерзнет, но уже не кристаллами, а в виде микроскопических капель, которые смогут свободно проходить между клеток.

Артеми́с сразу ввел информацию в свой компьютер.

– Небольшими каплями, – кивнул он. – Понимаю.

– Глюкоза – это лишь временное средство, – продолжила доктор Лейн. – Следующим этапом станет операция. Необходимо промыть его вены и заменить кровь консервантом. После чего мы сможем понизить температуру тела пациента до минус тридцати градусов. Но все это можно проделать только в институте.

Артеми́с выключил компьютер.

– Операция не потребуется, доктор. Главное – поддерживать его тело в нынешнем состоянии до завтрашнего дня. А потом уже будет все равно.

– Молодой человек, похоже, вы не понимаете, – покачала головой доктор Лейн. – Медицина в ее нынешнем состоянии никак не сможет вернуть вашего друга к жизни. Рана смертельная. И если мы не введем в его вены консервант, замораживать тело будет бесполезно.

Фургон подпрыгнул на одном из многочисленных лондонских люков. Рука Дворецки дернулась, и Артемису на мгновение показалось, будто его верный слуга по-прежнему жив.

– Это уже мои проблемы, доктор.

– Но...

– Сто тысяч фунтов стерлингов, доктор. Просто повторяйте про себя эту цифру. Остановите фургон рядом с институтом и обо всем забудьте. Утром нас уже не будет. Обоих.

– Рядом с институтом? – удивилась доктор Лейн. – А как же камера?

– Этой капсулы более чем достаточно, – заверил ее Артемис. – Мой... гм, врач не любит бывать в помещениях. Он работает либо у себя в кабинете, либо на свежем воздухе. И еще одна просьба. Вы не разрешите воспользоваться вашим телефоном?

Воздушное пространство над Лондоном

Огни Лондона, над которым пролетала Элфи, очень походили на звезды какой-то беспокойной галактики. Как правило, офицерам Корпуса строго-настрого запрещалось летать над большими городами, тем более над Лондоном, который окружали целых четыре аэропорта. К примеру, капитана Трубу Келпа как-то раз едва не сбил аэробус, направлявшийся из Лондона в Нью-Йорк. После этого случая все летные маршруты над мегаполисами утверждал лично Жеребкинс.

– Жеребкинс, есть какие-нибудь рейсы, о которых мне следует знать? – произнесла Элфи в микрофон шлема.

– Сейчас настрою радар. Так, посмотрим. На твоём месте я спустился бы до пятисот футов. Через пару минут появится «Боинг-747», следующий из Малаги. Столкновения не произойдет, но компьютер твоего шлема может повлиять на работу навигационной системы самолета.

Элфи выдвинула закрылки, чтобы опуститься до нужной высоты. Над ее головой с ревом пронёсся огромный реактивный лайнер. Элфи лишилась бы барабанных перепонек, если бы не сработали ушные фильтры.

– Отлично. Столкновения с набитым туристами лайнером удалось избежать. Что дальше?

– А дальше будем ждать. Как только получу важную информацию, сразу с тобой свяжусь.

Ждать пришлось недолго. Не прошло и пяти минут, как Жеребкинс нарушил радиомолчание.

– Элфи, нам удалось кое-что получить.

– Еще одно зондирование?

– Нет. Пришла информация от одной из наших охранных систем. погоди, я pošлю файл на компьютер твоего шлема.

На забрале шлема прямо перед глазами Элфи возникло изображение звукового файла, очень напоминающее показания какого-нибудь сейсмографа.

– Это что, информация с подслушивающего устройства?

– Не совсем. Ты видишь один из миллиардов временных файлов, которые охранные системы посылают нам ежедневно.

Охранный система под кодовым названием «Страж» состояла из серии устройств контроля и слежения, которые Жеребкинс подключил к устаревшим спутникам США и России. В ее функции входил полный контроль за всей системой телекоммуникаций вершков. Естественно, невозможно было отследить каждый телефонный звонок. Таким образом, компьютер был запрограммирован на поиск определенных ключевых понятий. Если в разговоре встречались такие слова, как «волшебный народец», «Гавань» или «подземный мир», ком-

пьютер сразу помечал вызов. Чем больше связанных с подземными жителями фраз использовалось в разговоре, тем более высокий приоритет присваивался полученной информации.

– Звонок был сделан из Лондона всего несколько минут назад. Он буквально перегружен ключевыми словами. Никогда ничего подобного не слышал.

– Воспроизвести, – отчетливо произнесла Элфи, отдавая команду голосом.

Вертикальная линия курсора стремительно пробежала по изображению звуковых волн.

– Волшебный народец, – промолвил искаженный помехами голос. – Полиция Нижних Уровней, магия, Гавань, терминалы, шаттлы, эльфы, Б’ва Келл, тролли, временное поле, Корпус, Атлантида.

– И это все?

– А тебе мало? Такое впечатление, что сделавший звонок человек пишет новейшую историю волшебного народца.

– Но это же просто набор слов. Никакого смысла.

– Что ты со мной-то споришь? – возмутился кентавр. – Я просто собираю информацию. Но наверняка этот звонок как-то связан с тем зондирующим устройством, которое мы засекли. Такие события не происходят случайно, причем в один день.

– Хорошо, хорошо. Тебе удалось засечь источник?

– Вызов поступил из одного лондонского криогенного института. Качество сигнала не позволило сделать спектрограмму говорившего. Мы знаем только, что звонили из самого института.

– Но кому был адресован звонок?

– Вот тут совсем темный лес. Звонили по горячей линии отдела кроссвордов газеты «Таймс».

– Может быть, эти слова – ответы на сегодняшний кроссворд? – с надеждой спросила Элфи.

– Нет, эту версию я уже проверил. В кроссворде нет ни одного связанного с нами понятия.

Элфи перевела крылья в режим ручного управления.

– Что ж, уговорил. Проверим, что там задумал этот странный абонент. Передай-ка мне координаты института.

Элфи даже не сомневалась, что тревога окажется ложной. Каждый год поступали сотни подобных звонков, однако Жеребкинсу, страдающему острой формой паранойи, чудилось вторжение вершков при каждом упоминании слова «магия». Тогда как в связи с установившейся в последнее время модой на фильмы и видеоигры в жанре фэнтези число упоминаний связанных с магией слов возросло многократно. Офицеры Подземной полиции тратили сотни часов на слежку за домом, откуда был сделан звонок, а потом вдруг выяснялось, что «коварный злоумышленник» – это какой-нибудь мальчишка, поигравший в компьютерную игру и решивший обсудить ее с друзьями.

Скорее всего, странный набор слов был результатом неисправности на линии. Или, допустим, это мог быть работающий под прикрытием агент Легиона, которому взбрело в голову позвонить домой. Но именно сегодня такую информацию нельзя было оставить без проверки.

Элфи согнула ноги в коленях и вошла в крутое пике. Кстати, уставом такой маневр был строжайше запрещен. Устав гласил: приближаться к цели надо незаметно и соблюдая максимальную осторожность. Но что за радость летать, если ты не можешь ощутить, как воздушный поток дергает тебя за пальцы ног?

Криогенный институт «Ледниковый период», Лондон

Артеми́с присел на задний бампер криогенного фургона. Странно, как быстро меняются личностные приоритеты. Еще утром он долго ломал голову над тем, какие мокасины лучше подойдут к костюму, а спустя всего несколько часов мог думать лишь о том, что сейчас на весы положена жизнь его лучшего друга. И чем все закончится, не известно никому.

Артеми́с стер корочку льда со стекол очков, которые достал из кармана своего телохранителя. Очки эти были не совсем обычными. Дворецки обладал идеальным зрением и легко читал самую нижнюю строчку в офтальмологической таблице, которую вешали на противоположном конце большого зала. Эти же очки были специально переделаны под фильтры, снятые с шлема одного из представителей Легиона подземной полиции, и позволяли видеть сквозь защитные экраны волшебного народца. Дворецки постоянно носил очки с собой – с тех самых пор, как Элфи удалось захватить его врасплох, и не где-нибудь, а прямо рядом с родовым поместьем Фаулов.

«Осторожность не помешает, – объяснял Дворецки. – Нас считают угрозой для безопасности Нижних Уровней, а майора Крута может сменить на посту какой-нибудь эльф, не питающий к нам нежных чувств».

Помнится, в ответ на это объяснение Артеми́с лишь пожал плечами. В общем и целом волшебный народец состоял из миролюбивых существ. И чтобы эти существа просто так причинили вред человеку? Пусть даже человек этот некогда лишил их приличного количества золота. Нет, такого не может быть. Ведь, в конце концов, они расстались друзьями. По крайней мере, не врагами.

Сейчас Артеми́с ждал реакции волшебного народца на его звонок. То, что реакция последует незамедлительно, он даже не сомневался. Многие правительственные учреждения использовали систему ключевых слов и записывали телефонные разговоры, которые могли представлять угрозу для национальной безопасности. А если этим занимаются люди, что уж тут говорить о Жеребкинсе, который всегда опережал вершков на добрый десяток шагов?

Артеми́с надел очки и сел в кабину фургона. Звонок он сделал десять минут назад. Даже если предположить, что Жеребкинс тут же перехватил послание, представителю Корпуса особого назначения потребуется не менее двух часов, чтобы добраться до поверхности. Еще целых два часа... Два плюс четыре – пройдет почти шесть часов с тех пор, как сердце Дворецки остановилось. Раньше рекордом считалась операция, которая спасла жизнь лыжнику, похороненному под лавиной и там замерзшему. С момента смерти лыжника прошло два часа пятьдесят минут. Но чтобы человек вернулся к жизни, целых шесть часов пробыв в состоянии клинической смерти? Такого еще не было. И возможно, не случится никогда.

Артеми́с бросил взгляд на присланный доктором Лейн поднос. В другое время он бы безразлично отверг практически любое из доставленных ему блюд, но сейчас пища являлась лишь средством поддержания сил до прибытия кавалерии. Артеми́с взял пластмассовый стаканчик с чаем и сделал большой глоток. Жидкость громко забулькала в пустом желудке. За спиной Артемиса спокойно урчала, будто домашний холодильник, криогенная установка, хранящая тело Дворецки. Периодически попискивал и жужжал компьютер, включая диагностическую систему. Артеми́су эти звуки напоминали о финской больнице, где он провел долгие недели, ожидая, когда его отец наконец придет в сознание. Тогда Артеми́с точно так же не знал, поможет ли отцу магия волшебного народца или нет...

Выдержки из дневника

Артеми́с Фаула

Диск № 2. Данные зашифрованы

«...Сегодня отец заговорил со мной. Впервые больше чем за два года я услышал такой знакомый голос. Голос остался прежним, зато изменилось многое другое.

Целых два месяца минуло с того момента, когда Элфи Малой использовала целительную магию, чтобы спасти жизнь моего отца, и он все еще пребывал на больничной койке одной из финских больниц. Неподвижный. Ни на что не реагирующий. Даже врачи не могли понять, в чем дело.

„Он давным-давно должен был очнуться, – говорили они мне. – Энцефалограмма показывает, что все функции мозга полностью восстановились. Его сердце работает как отбойный молоток. Просто поразительно: по идее этот человек должен находиться на пороге смерти, а мышцы у него как у двадцатилетнего юноши“.

Разумеется, для меня во всем этом не было никакой загадки. Магия Элфи восстановила его организм – за исключением левой ноги, потерянной во время кораблекрушения неподалеку от Мурманска. В отца в буквальном смысле слова влили жизненные силы.

Да, целительная магия в высшей мере благотворно подействовала на моего отца, но меня все не оставляли мысли о том, как положительная энергия волшебного народца повлияла на его внутренний мир. Разум моего отца мог не выдержать такого испытания. Он был патриархом Фаулов, и вся его жизнь вращалась вокруг денег.

Много дней мы сидели в палате отца, пытаюсь разглядеть хоть малейшие признаки того, что он возвращается к жизни. К тому времени я уже научился понимать показания приборов и сразу же заметил острые пики на энцефалограмме. Мгновенно определив, что отец вот-вот придет в сознание, я вызвал медсестру.

Нас выгнали из палаты, в которую тут же набилось множество народу: два кардиолога, анестезиолог, нейрохирург, психолог и несколько медсестер.

На самом деле мой отец не нуждался в медицинском уходе. Он просто сел на койке, протер глаза и произнес одно-единственное слово: „Ангелина“.

Мать попросили войти. Дворецки, Джульетта и я провели несколько мучительных минут, пока она не появилась в дверях палаты.

– Идите сюда, – сказала мама. – Он хочет видеть вас.

И тут я страшно испугался. Очнулся мой отец – человек, которого я пытался подменять в течение двух долгих лет. Оправдает ли он мои ожидания? Оправдаю ли я его надежды?

Нерешительным шагом я вошел в палату. Артеми́с Фаул Первый сидел на кровати, опираясь спиной на груды подушек. Я сразу же обратил внимание

на его лицо. Не на шрамы, которые практически затянулись, вовсе нет. Мое внимание привлекло нечто другое. Лоб отца, обычно отражавший мучительные раздумья, абсолютно лишился морщин и разгладился.

Мы с отцом столько времени не виделись... Честно говоря, я даже не знал, что сказать.

Но, увидев меня, отец не колебался ни секунды.

– Арти! – воскликнул он, протягивая ко мне руки. – Ты уже совсем мужчина. Молодой мужчина!

Я бросился в его объятия и на мгновение забыл обо всех своих планах и схемах. Я вновь обрел отца...»

Криогенный институт «Ледниковый период», Лондон

Воспоминания Артемиса были прерваны едва заметным движением на стене, которое он уловил краешком глаза. Выглянув из машины, Артемис навел очки на здание и сразу увидел, что на подоконнике окна третьего этажа сидит эльф. Причем не просто эльф, а, разумеется, офицер спецкорпуса в шлеме и с крылышками за спиной. И это всего через пятнадцать минут! Хитрость удалась. Жеребкинс перехватил его звонок и немедленно выслал на поверхность эльфийский спецназ. Теперь оставалось только надеяться, что этот эльф под завязку полон магией и желанием помочь широко известному в узких кругах волшебного народца Артемису Фаулу.

Действовать следовало крайне осторожно. Ни в коем случае нельзя было испугать эльфа. Одно неверное движение – и он, Артемис, очнется только через шесть часов, причем его память о событиях всего дня будет начисто стерта. А значит, Дворецки уже ничто не спасет.

Артемис медленно открыл дверь и вышел из фургона. Эльф, опустив голову, внимательно следил за каждым его движением. Артемис едва не растерялся, увидев, что подземный житель достает отливающий платиновым блеском бластер.

– Не стреляйте! – закричал Артемис, поднимая руки. – Я не вооружен и нуждаюсь в вашей помощи.

Эльф включил крылья и стал медленно спускаться, пока забрало его шлема не оказалось на уровне глаз Артемиса.

– Не бойтесь меня, – продолжал Артемис. – Я – друг волшебного народца. Я помог победить Б’ва Келл. Меня зовут...

Эльф снял защитный экран и поднял матовое забрало шлема.

– Я прекрасно знаю, как тебя зовут, Артемис, – сказала капитан Элфи Малой.

– Элфи! – воскликнул Артемис, хватая ее за плечи. – Это ты!

Резким движением Элфи сбросила с себя его руки.

– Ты – Артемис, я – Элфи. С этим мы все выяснили? А теперь будь добр, объясни, что здесь происходит. Полагаю, это ты звонил.

– Да, да, но сейчас нет времени. Я все объясню потом.

Крылышки за спиной Элфи затрепетали, и она поднялась на добрых четыре метра.

– Нет, Артемис. Ты объяснишь все немедленно. Если тебе так нужна была помощь, почему ты не воспользовался своим сотовым телефоном?

– Но ты же сама говорила, что Жеребкинс больше не прослушивает меня. К тому же я не был уверен, что ты откликнешься.

Элфи призадумалась.

– Ладно, допустим, – наконец признала она. – Может быть, я бы и не откликнулась. – Она огляделась. – А где Дворецки? Как всегда, прикрывает наши спины?

Артемис не ответил, но по выражению его лица Элфи сразу же догадалась, зачем Артемису понадобилась помощь волшебного народца.

Артеми́с нажал на кнопку, и пневматический насос поднял крышку криогенной капсулы. Тело Дворецки устилал сантиметровый слой льда.

– О нет, – простонала Элфи. – Что случилось?

– Он закрыл меня своим телом, – ответил Артеми́с.

– Когда ты наконец поймешь, что в результате твоих интриг страдают люди? – резко спросила эльфийка. – При чем люди, которые искренне заботятся о тебе.

Артеми́с не ответил. А что можно сказать в ответ на правду?

Элфи сняла пузырь со льдом с груди телохранителя.

– Когда это случилось?

Артеми́с посмотрел на часы на своем мобильном телефоне.

– Четыре с четвертью часа назад, плюс-минус несколько минут.

Капитан Малой убрала лед и прижала ладонь к груди Дворецки.

– Четыре с четвертью часа... Не знаю, Артеми́с. Я ничего не чувствую, ни малейшего признака жизни.

Артеми́с встал напротив нее у капсулы.

– Ты можешь ему помочь, Элфи? Можешь исцелить его?

Элфи сделала шаг назад.

– Я? Нет, я его исцелить не могу. Тут нужен профессиональный медик-кудесник. Он может хотя бы попытаться, и то результат непредсказуем.

– Но ты же исцелила моего отца!

– Это совсем другое дело. Твой отец был жив, просто очень истощен. Артеми́с, мне очень грустно говорить тебе это, но Дворецки умер. При чем давно.

Артеми́с расстегнул рубашку. На его груди на кожаном шнурке висел золотой диск с круглым отверстием точно в центре.

– Помнишь вот это? Ты прострелила эту монету, доказывая, что твой указательный палец полностью исцелился. И еще сказала, что она должна напоминать мне об искорке порядочности, горящей в каждом человеке. Сейчас я хочу использовать эту искру, капитан.

– Дело не в порядочности. Я просто не могу это сделать.

Артеми́с забарабанил пальцами по капсуле. Он думал.

– Свяжи меня с Жеребкинсом, – сказал он наконец.

– Я говорю от имени волшебного народца, – раздраженно произнесла Элфи. – Мы не выполняем приказы вершков.

– Пожалуйста, Элфи, – развел руками Артеми́с. – Я не могу позволить ему умереть. Это же Дворецки.

Тут Элфи было нечего возразить. В конце концов, Дворецки неоднократно спасал их жизни.

– Ну ладно, – сказала она, снимая с ремня запасное устройство связи. – Но хороших новостей тебе лучше не ждать.

Артеми́с вставил в ухо наушник и отрегулировал микрофон, чтобы он находился у самых губ.

– Жеребкинс? Ты нас слушаешь?

– Шутишь? – раздался в наушнике насмешливый голос кентавра. – Да я весь внимание. Это гораздо интереснее ваших «мыльных опер».

Артеми́с собрался с мыслями. Он должен говорить убедительно, это последний шанс Дворецки.

– Я прошу у вас помощи. Вашей целительной магии. Понимаю, все может закончиться неудачей, но неужели нельзя хотя бы попробовать?!

– Все не так просто, вершок, – откликнулся кентавр. – Думаешь, каждый может пользоваться целительными чарами? Для этого требуются немалый талант и умение сосредоточиться. Я признаю способности Элфи, но для такой работы необходима целая команда квалифицированных кудесников.

– У нас нет времени, – оборвал его Артемис. – Дворецки слишком долго находится в состоянии клинической смерти. Мы должны сделать это прямо сейчас, прежде чем глюкоза рассосется. Ткани пальцев уже поражены.

– Как и его мозг, наверное? – высказал предположение кентавр.

– Мозг не должен был пострадать. Я действовал очень быстро и сразу положил Дворецки на лед.

– Ты уверен? Но вдруг мы вернем только тело Дворецки, а его разум останется где-то бродить?

– Я абсолютно уверен. Мозг не пострадал.

Жеребкинс на несколько секунд замолчал.

– Артемис, даже если мы согласимся на твою просьбу, я не могу гарантировать результат. Неизвестно, что магия сотворит с телом Дворецки, не говоря уж о его разуме. Последствия могут быть самыми ужасными. Ничего подобного никто никогда не пробовал.

– Понимаю.

– Ты действительно это понимаешь? И готов ли ты смириться с последствиями, если дело закончится неудачей? Повторяю, возможно возникновение целого ряда непредсказуемых проблем. И именно ты будешь заботиться о существе, которое восстанет из этой капсулы. Ты правда готов принять на себя такую ответственность?

– Я готов на все, – не задумываясь ответил Артемис.

– Хорошо. Теперь решение за Элфи. Никто и ничто не может заставить ее пустить в ход чары, если она сама того не захочет.

Артемис опустил взгляд. Сейчас он не мог смотреть эльфийке в глаза.

– Ну, Элфи, ты сделаешь это? Попробуешь?

Элфи смахнула лед со лба Дворецки. Он был хорошим другом волшебному народцу.

– Я попробую, – наконец промолвила она. – Никаких гарантий, но я сделаю все, что в моих силах.

У Артемиса едва не подогнулись колени от облегчения, но он быстро собрался с силами. Расслабляться пока рано.

– Спасибо, капитан. Я понимаю, что принять такое решение было не просто. Чем я могу помочь?

Элфи указала на дверь:

– Для начала ты можешь покинуть фургон. Мне нужна абсолютно стерильная среда. Я позову тебя, когда закончу. Что бы ни случилось, что бы ты ни услышал, не входи, пока я не позову.

Элфи сняла камеру со шлема и установила ее на крышку криогенной капсулы, так чтобы Жеребкинсу было лучше видно пациента.

– Ну, что скажешь?

– Хорошо, – ответил Жеребкинс. – Вижу всю верхнюю часть тела. Криогеника... Этот Фаул – просто гений, по человеческим стандартам разумеется. У него ведь было меньше минуты, чтобы разработать план. Весьма смысленный паренек.

Элфи тщательно вымыла руки в раковине операционной.

– Только почему-то этот твой гений постоянно попадает во всякие неприятности! Поведать не могу в то, что сейчас делаю! Жеребкинс, мы ведь пытаемся вернуть к жизни суще-

ство через четыре с четвертью часа после его смерти! Это станет первым подобным воскрешением в истории, если, конечно, у нас все получится.

– Но с технической точки зрения, если верить Фаулу, после смерти Дворецки прошло только две минуты. Надеюсь, ему действительно удалось то, о чем он рассказывал. Главное было как можно быстрее понизить температуру тела Дворецки. Но...

– Что? – спросила Элфи, быстро вытирая пальцы полотенцем.

– Любое замораживание нарушает биоритмы и магнитные поля тела, а в этих вопросах даже медицина волшебного народца еще не до конца разобралась. На карту поставлены не просто кожа и кости. Мы понятия не имеем, что подобная травма могла сотворить с разумом Дворецки.

Элфи приблизила лицо к видеокамере:

– Жеребкинс, ты уверен, что мы поступаем правильно?

– Очень жаль, Элфи, но у нас нет времени для дискуссии. Каждая секунда стоит нашему другу пары мозговых клеток. Я буду давать тебе инструкции по ходу операции. Сначала следует тщательно осмотреть рану.

Элфи сдвинула в сторону несколько пузырей со льдом и расстегнула костюм из фольги, в который облачили Дворецки санитары. Входное отверстие было черного цвета и походило на засохший бутон цветка, скорчившийся в центре кровавого пятна.

– У него не было шансов. Пуля вошла прямо под сердце. Я увеличу картинку.

Элфи опустила забрало и при помощи фильтров шлема увеличила изображение пулевого отверстия.

– Вижу какие-то волокна в ране. Скорее всего, это кевлар.

Из динамиков послышался стон Жеребкинса:

– Только этого нам не хватало. Осложнения...

– Не понимаю, какие осложнения могут вызвать волокна? И хватит стонать. Выражайся нормально.

– Ладно, ладно. Краткий курс волшебной хирургии для чайников. Если ты попытаешься обработать целительными чарами рану, магия, конечно, восстановит клетки Дворецки, но добавит в них кевлар. К жизни Дворецки не вернется, зато станет абсолютно пуленепробиваемым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.